

Ольга Шушакова-Гамарник

***Так
сказала
Франческа***

Ольга Шушакова-Гамарник

Так сказала Франческа

«Издательские решения»

Шушакова-Гамарник О.

Так сказала Франческа / О. Шушакова-Гамарник —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502878-5

Каждая женщина хочет быть счастливой. Но не у каждой это получается. В чём же заключено таинственное и неуловимое, но такое простое и искреннее женское счастье? В душевной и психологически точной прозе Ольги Шушаковой-Гамарник внимательный читатель найдёт единственно верный ответ на этот непростой, но вечный вопрос.

ISBN 978-5-00-502878-5

© Шушакова-Гамарник О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Так сказала Франческа

Ольга Шушакова-Гамарник

Достоинство – это способность человека в любой ситуации, независимо от обстоятельств: моральных, материальных, социальных, физических, оставаться человеком.

© Ольга Шушакова-Гамарник, 2019

ISBN 978-5-0050-2878-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Он мельком увидел её лицо.
Он не чувствовал ничего.
Ничего, кроме губ.
Её губы. Нежные, мягкие.
И поцелуй.
Страстный, сладостный и... безнадежно короткий...

Ему не хотелось открывать глаза. Губы еще помнили поцелуй.
«Доброе утро, моя нежность!» – неожиданно сказал он и сладко потянулся.
Не услышав ничего в ответ, он не огорчился.
Наоборот, он испытал странное необъяснимое чувство радости.
Его губы сами расплылись в улыбке.
Её не было рядом.
Но он чувствовал, она есть.

* * *

Подъезжая к телецентру, Лео обогнал длинный «Майбах» и ловко припарковал свой джип на освободившееся место.

Довольный успешным маневром, он искренне пожелал владельцу роскошного, но неповоротливого авто удачи в поисках места.

Выйдя из машины, Лео внимательно оглядел себя в боковое зеркало. Пригладил чуть растрепавшиеся волосы, поправил воротник рубашки и, несмотря на полуденный зной, надел пиджак.

Летний костюм соломенного цвета, белая рубашка, элегантные туфли в тон костюму, бесспорно, говорили о хорошем вкусе владельца. Но в этом, не совсем будничном наряде, в середине рабочего дня, Лео выглядел скорее пижонски.

На встречу с другом можно и проще. Лео это понимал, но ничего не мог с собой сделать. С самого раннего утра ему хотелось быть элегантным и внешне соответствовать своему внутреннему состоянию.

В «табели о рангах» Лео красавцем не значился. Но надо признать, долгие годы, отданные профессиональному спорту, сделали его тело стройным, а характер сильным.

Исключительная работоспособность, непревзойденное упорство и железная сила воли отличали Лео не только в спорте, но и в жизни.

Его независимый характер, собственное мнение и непредсказуемая реакция на непонимание часто служили причиной конфликтов. В игре.

В жизни врагов у Лео не было.

Непримиримые соперники были, а желающих оказаться поверженными – нет.

Завистники. Этих хоть отбавляй. Но их Лео не замечал. Ироничный взгляд и снисходительная улыбка в их адрес – это всё, что он мог себе позволить.

Знавшие Лео были уверены, для него не существует ситуации, когда он способен опустить руки.

Еще раз оглядев себя в зеркале, Лео взял папку и не спеша направился в сторону кафе, расположенного у входа в телецентр. Встречавшиеся ему на пути незнакомые люди приветствовали его улыбкой или дружеским взмахом руки. Он отвечал им тем же.

В зале, за столиком в дальнем углу, Лео ждал друг. Они поздоровались и обнялись так, как будто не виделись целую вечность.

Не тратя время зря, друг внимательно просмотрел содержимое папки.

– Лео, ты с ума сошел? Как ты себе это представляешь?

Вальяжно развалившись в кресле, Лео улыбался и молча смотрел на друга.

– Чему ты радуешься? – ничего не понимая, спросил друг. – Тебе заняться нечем?

Лео пожал плечами и еще радостнее улыбнулся:

– Сам не знаю. А заняться мне как раз есть чем. Работы выше головы. А это, – Лео показал на папку, – представлять должен ты. Ты же у нас специалист! Мне кажется, свою идею я предельно ясно изложил.

– Ему кажется! Идеолог! А выкручиваться, как всегда, мне.

Не дожидаясь согласия друга, Лео решительно сказал.

– Крис, об этом я прошу тебя впервые и хочу, чтобы всё было предельно честно.

– Хорошо! – Согласился Крис, – я подумаю. А вот по поводу честности, «святоша», это по твоей части. Организовать можно всё, но мне не ясна цель. А результат тем более.

– Ты же у нас крупный специалист, – Лео недвусмысленно, но очень добродушно обвел взглядом слегка выпадающее из джинсов, склонное к полноте тело друга, – вот ты и подумай над этим.

– Подумать можно. Даже нужно! Но никакой специалист не сможет сказать, что из этого получится. Задумываешь, как всегда, только хорошее, а что получается, всем известно, – Крис весьма образно развел руками, – это я тебе, как крупный специалист, говорю.

– Если всё так непредсказуемо, зачем терять время. Я думаю, надо действовать, – воодушевленно произнес Лео и положил на стол книгу. Отведя в сторону свой томно-загадочный взгляд, он с не меньшим пафосом изрек: – Прочти, и ты всё поймешь! И вполне возможно, кое-что представишь!

Крису ничего не оставалось, как снисходительно усмехнуться,

– Хорошо, встретимся через неделю, и я изложу свое видение процесса.

– Какое видение? Всё уже в процессе! Крис! Я не могу так долго ждать, через неделю все должно быть готово.

– Лео, ты сумасшедший! Тебе точно адреналина не хватает! Не можешь спокойно жить!

Не желая слушать критические замечания по поводу своего плана, и, по мнению Криса, абсолютного безумства, Лео посмотрел на часы:

– Прости, Крис, мне пора.

– Может, пообедаем вместе? – предложил Крис, – в нашем кафе новый повар. Французская кухня, не хуже чем в Париже. А какие у него круассаны! Мечта!

Крис закрыл глаза и, невзирая на строгий запрет жены даже думать о мучном и сладком, мысленно вкусил запретный плод.

Лео понимающе закивал:

– Крис, я не проболтаюсь Сандре. Приятного аппетита, – сочувственно подбодрил друга Лео, – остаться, не могу. Хочу, но не могу. У меня режим! Причем строгий! Если я не приеду вовремя к обеду, мой «железный канцлер» лишит меня не только сладкого. А её сливовый пирог я не променяю ни на какие круассаны. Даже французские. А может, тогда ко мне? – предложил Лео. – Хильда будет рада.

– Нет! Тогда лучше без обеда! После сканирующего взгляда твоей Хильды и лекции о правильном питании не то, что обедать, жить не хочется. А мне еще надо претворить в жизнь ваш гениальный каприз. И еще эта очередная «летопись»!

Взяв в руки книгу, Крис беззлобно вздохнул:

– Не подскажешь, где время взять?

Крис раскрыл книгу и очень удивился. С портрета смотрела красивая женщина с умным взглядом.

Лео заметил перемену в лице друга,

– Ну, тогда bye! Не буду отнимать ваше драгоценное время.

– Лео, – Крис оторвал взгляд от книги и задумчиво посмотрел на друга, – скажи честно, зачем тебе всё это?

– Зачем? Не знаю, – честно ответил Лео, – но чувствую, надо.

– Лео, что ты задумал?

– Ничего плохого! Всё только хорошее. Крис! Понимаешь! Хорошее!

Лео мечтательно закрыл глаза и сладостно улыбнулся.

– Лео, я уже сказал, чем всё хорошее заканчивается!

Лео не реагировал на слова друга и продолжал томно улыбаться.

– Что ты все время улыбаешься? – Крис покрутил пальцем у виска, и скептически оглядел друга, – и вырядился, как петух гамбургский.

– Крис, это не я улыбаюсь! Это что-то внутри. Сам не понимаю. А это, – Лео указал на костюм и улыбнулся еще загадочнее, – я теперь так себя чувствую.

Друзья допили кофе, обнялись и распрощались до встречи через неделю.

Глава 2

Маша приготовила ужин и позвонила подруге.

– Ника, у меня всё готово. Приезжай!

– Маш, сегодня я не готова.

– Что значит «не готова»? Я не хочу слышать никаких отговорок. «Не готова»! Жду!

Голос подруги виновато прозвучал в трубке:

– Я еще подарок не купила.

– Какой подарок? Приезжай! – у Маши чуть дрогнул голос. – Никусь, ты сама, как подарок! Приезжай! Ты единственная, кто меня понимает. Всем остальным всё около птички.

– А это как? Я знаю только «до лампочки».

– Произнеси вслух «около птички» по-английски и сразу поймешь, где это.

Ника замолчала. Через некоторое время она весело рассмеялась.

– Как у вас всё завуалировано.

– Зато всё остальное открыто! И сердце, и двери. Ника, – умоляюще произнесла Маша, – у нас ремонт закончился. А какой вид с балкона! Правда, ещё не до конца облагороженный, но зато вдали морской простор. А из окна туалета вообще ни души не видно. Тишина-а-а!

– А куда у тебя окно туалета выходит?

– Туда же, куда и балконы.

– А почему тогда ни души не видно?

– Стекло матовое.

– А-а!

– Бэ! Я твои любимые салаты сделала. Курица с ананасами, и овощной с брокколи и жареным сыром. Приезжай! У меня такое настроение... Вернее, никакого настроения! Повеситься хочется! Приезжай!

Чтобы не разреветься, Маша положила трубку.

«Квартира! Ремонт! Новая мебель! Осталось дело за малым: начать новую жизнь! Жаль, сегодня не понедельник! – нервно сказала она самой себе. – Хотя всё и по правилам, я думаю, это слишком».

Глядя на себя в новое зеркало, Маша задумалась: «Может, и правда, до понедельника подождать? По правилам оно, может, надежнее? Себя в порядок приведу».

Маша вспомнила: год назад она купила косметический набор от Элизабет Арденн, но до сих пор так и не воспользовалась его чудодейственной силой.

– Там, кажется, маска есть. Ну, вот! Будет чем заняться в выходные.

Телефонный звонок отвлек Машу от раздумий о новой жизни. Звонила Ника.

– Маш, у меня тут неожиданно тремп в вашу сторону подвернулся. Жди. Еду.

Маша усмехнулась: «Вот так всегда! Надумаешь сделать всё по правилам, так нет же! Всё наоборот получается! Господи! Что же это за жизнь такая? Старая, новая! Она даже начинается не тогда, когда хочется!» Маша тяжело вздохнула: «И вообще, хоть что-нибудь в этой жизни от нас зависит?»

Она не дала волю наворачившимся слезам и громко сказала себе: «Нет! Нет! Всё! Всё в прошлом! Его не вернешь! И ничего уже не исправишь! Да и разве можно это исправить? Всё, всё! Новая квартира, новая мебель! Всё новое! Надо жить!»

«В сорок лет жизнь только начинается!» – неожиданно вспомнилось другое правило о новой жизни, но до этих «сорока» еще дожить надо. А может, эта новая жизнь как раз в пятницу начинается?

В пятницу, так в пятницу! Начнем с омовения!

Хлынувшая в лицо теплая вода смешалась с её слезами:

– Кто придумал, что в сорок лет жизнь только начинается? Она в тридцать восемь заканчивается.

Посмотрев на себя в зеркало, Маша безразлично махнула рукой:

– Кому это нужно?

Проведя пальцем по боку, она решила: есть пельмени на ночь всё же не стоит.

Забыв про набор от Элизабет Арденн, Маша по привычке несколько раз нажала на «носик» бутылки с кремом для тела. Намазала им лицо, руки, ноги. Оделась и пошла накрывать стол на балконе.

В компании с подругой теплый летний вечер обещал быть приятным.

– Машка! Квартира просто шик! Вы дизайнера приглашали?

– Никусь! Какого дизайнера? Я сама себе дизайнер! Всё это я придумала ещё до того! Тогда у меня идеи фонтаном били.

– Маша, – грозно сказала Ника и обняла приготовившуюся зареветь подругу, – ну всё, всё. Маш, мы же договаривались!

– Ладно! Не буду. Кому теперь всё это нужно?

– Всем нужно. Красивый дом – это важно! Тебе нужно, Мише нужно, Максусу.

– Кстати, а если тебе будет нужно, – чуть улыбнулась Маша, – ты только скажи. Я теперь в области благоустройства жилых помещений большой специалист, а в общении с благоустроителями особенно.

– Знаешь, – с нескрываемой иронией Ника глянула на подругу, – когда я учила язык, еще в Москве, у нас одна девица за какого-то здешнего олигарха замуж выходила. Так вот, ей платья, туфли, колечки и всё остальное на примерку домой привозили. И при этом она постоянно жаловалась на усталость и нехватку времени. А мне сказала: «Ника, будешь выходить замуж, спроси меня. Как всё устроить и не сойти с ума, я тебе подскажу».

– Ну, а ты? Всё? Замуж не собираешься?

– Замуж я согласна. Вот только олигархи ко мне в очередь не стоят, – насмешливо сказала Ника. – А твоё «нужно» как раз из этой серии.

– Как знать, как знать! Может, к тебе какой-нибудь олигарх, ну, или что-нибудь вроде этого, лечиться придет от проблемы: куда деньги девать и как человеком остаться. Надо быть ко всему готовой! Любой опыт бесценен!

– Особенно в тридцать пять лет, – Ника посмотрела в зеркало и погладила себя по лицу.

– Ладно. Ты у нас еще ого-го! И умница, и красавица. У тебя всё впереди, – подбодрила подругу Маша.

– Если учесть, что я всего лишь на три года младше тебя, а у тебя замечательный муж и сын в университете учится, то ты права, у меня работы – непочатый край.

Ника сняла пиджак. Черный топ, из эластичного трикотажа, облекая тело, очень выразительно подчеркивал её безупречно тонкую талию.

Оглядев подругу с ног до головы, Маша справедливо заметила:

– Тебе осы не завидуют?

Ника усмехнулась:

– Какие осы? Хоть бы один «козёл» внимание обратил. Стоит мне сказать, что я психолог, мужики от меня, как чёрт от ладана, шарахаются.

– Нет, – пристально разглядывая талию подруги, серьезно сказала Маша, – это не мужики, это, точно, стадо даже не парнокопытных, а разнокопытных.

– Ну, ты тоже не приbedняйся! Всего-то на один размер ширше меня, зато ты выше, и грудь – глаз не оторвать, а это ценится больше, чем талия.

– Родишь, и у тебя такая будет!

– А талия?

– Ну, у меня кое-что осталось.
– Всем бы такое кое-что! Ты когда в последний раз на себя в зеркало смотрела?
– А толку? Не замечает.
– Маш, а ты иногда оглядывайся. Может, увидишь, какие мужчины тебе вслед смотрят.
– Ника, ваши благородные порывы развеселить меня понятны. «Стадо» меня не интересует, даже на самом пасторальном ландшафте.
– Почему? Я же не в прямом смысле, а для укрепления самооценки.
– А я в прямом! Зайди в Интернет, открытым текстом пишут: «Хочу развлечься. Условия имеются». Уроды! Им анатомию за восьмой класс учить надо! Сначала научись, а потом и развлекаться не захочешь, с одной интересней будет. Не мужики, а митохондрии какие-то. Накопили энергию, надо сбросить. А о красоте процесса понятия не имеют.

Ника грустно улыбнулась.

– Ты права, подруга, мелкий нынче пошел мужик. Мне кажется, или действительно, всё в «болото» превращается? В одно «прекрасное» утро проснешься, а вокруг одни амёбы!

– И ты права! – согласилась Маша. – Натуральное, оно в природе почему-то стало редко встречаться. Скоро все мичуринцами станем.

– Вот и моя мама говорит, что настоящего мужа надо на своём «огороде» выращивать. Приобретаешь «посевной материал», удобряешь, поливаешь. Весь процесс эволюции под контролем. Ну, а что выросло, то выросло!

– Это вы про огурцы без удобрения, – потупив взгляд, Маша едва сдержала смех, – или, наоборот, с органическими добавками?

– Нет. То, что вы подразумеваете под органическими добавками, этого в них и так через край! Нам бы желательно, чтобы всё само выросло.

Подруги засмеялись и пошли осматривать окрестности с балкона.

– А кстати, ваше натуральное где? – не без интереса спросила Ника.

– Где-где? Сахаров как всегда на работе «горит»! Режет, чинит. Долг перед человечеством исполняет! А «мы» неусыпно ждем и всё понимаем!

Маша с обидой ткнула пальцем в раскрытый журнал «Problems of cardiac surgery» («Проблемы кардиохирургии»).

– Я понимаю! Я всё понимаю! Операция на сердце, это тебе не мячик по полю перекачивать! Понимаю, от Сахарова человеческая жизнь зависит. Он всегда должен быть в форме. Его нельзя ничем обременять! Его нельзя расстраивать! Его нельзя! А меня? А меня можно? Разве у меня нет сердца? Разве моё сердце не болит? Может, мне давным-давно пора пересадку делать? Может, у меня вместо сердца уже одни клочья остались.

– Маш, тебе грех жаловаться, Миша о тебе заботится, – Ника попыталась успокоить подругу.

– Ну да! Квартиру новую купил. Ремонт придумал. От дурных мыслей отвлекает. Как будто вместе со шкафом можно заодно и память поменять. Ремонт сделан. Все шкафы поменяны! Остается самое главное – жить и получать удовольствие! Вот только почему-то удовольствие никак не получается! И счастье ни откуда не сваливается. Как раз всё наоборот.

Жить, конечно, можно, если бы всё не так пусто и бестолково.

Сахаров работает! Ему работа раскисать не позволяет! А я ведь даже работать не могу. Какой из меня теперь врач? Тем более детский. У меня какая-то пустота внутри. Я ничего не хочу. Вернее, я хочу, но понимаю, всё – пустое. Думала в журнал вернуться. Не получается.

Такой грандиозный проект задумали. Всё в реальном режиме: чувства, ощущения, взаимоотношения, проблемы. Всё без вранья. Откровенный женский дневник. Честный! И проблемы решать не абстрактно, а конкретно, по пунктам! Как и что нужно делать.

– Маш, жизнь по инструкции не проживешь.

– Я с тобой согласна, но ты лучше меня знаешь, в жизни иногда бывают такие моменты, когда не только инструкция, любое слово поддержки на вес золота. Неужели ты никогда не задумывалась, почему люди идут к вам, к психологам? Или еще хуже, к экстрасенсам. Верят всякому вранью, гаданьям. И заметь, среди них не все темные и глупые, а есть вполне грамотные и образованные люди.

– Я думаю, от безысходности.

– Скорее от незнания и безнадежности. А инструкции мы писать не собирались. Мы хотели реально помогать людям. И не тогда, когда нет надежды. Мы считаем: наша помощь как раз для того, чтобы они не оказались в ситуации, когда остаётся только молиться.

Маша грустно улыбнулась.

– Знаешь, раньше, когда я слышала эти слова: «Нам остается только молиться!» – я не понимала, что значит молиться? Я считала, нужно что-то делать, какие-то шаги предпринимать. А сейчас я это очень хорошо понимаю. Но я даже молиться не умею. По-настоящему не получается, а притворяться не могу.

– Машка, ты написала очень светлую, добрую книгу о замечательном человеке. Пиши ещё. Это тебя отвлечёт.

– Писать? О чем?

Чтобы не зареветь, Маша закусила губу, закрыв руками лицо, она тихо сказала,

– Книгу я не писала, я её чувствовала. Писалось всё само собой. А сейчас ни чувств, ни мыслей. Всё как серпом отрезало. Если бы я сейчас могла писать, я бы в журнал вернулась! Я до сих пор не могу нормально спать. Стоит глаза закрыть, и я всё как наяву вижу!

– Да мало ли о чем можно писать. Ты что, всегда о футболе думала?

– Нет, конечно. Но тогда я жила надеждой. Тогда мы с Сахаровым были едины, как никогда. А это совсем другое ощущение жизни. Книга случайно получилась. У моего героя всё было наоборот. У него рушилась семья, карьера. Его никто не понимал. А я летала от счастья!

Мне хотелось понять, что движет умным и благополучным человеком в такой ситуации, в какой оказался он. Я искренне хотела понять, как человек может не замечать очевидного. А поскольку в реальности я не могла его спросить... Где он и где я! Я решила «пообщаться» с ним таким образом. Очень удобно. Сама спрашиваешь, сама отвечаешь. Правда, я писала честно, так, как чувствовала.

Однажды мне даже показалось, что ему тоже необходимо наше общение. Я понимаю, придумать можно многое. И даже поверить в это. Но я иногда реально чувствовала, что ему нужна не помощь или поддержка, а простое человеческое понимание. Или хотя бы маленькая уверенность в том, что не все думают о нём плохо. И, как это ни банально звучит, у меня появилось вдохновение. Со временем меня очень увлекла эта игра, а в итоге получилась книга. И потом у меня возникло чувство к этому человеку.

– Чувство любви?

– Почему любви?

– Ну, а какое может возникнуть чувство у женщины к мужчине?

– Кроме любви есть и другие чувства? Чувство понимания, например. Мне хотелось понять его поступок. Не просто осудить или принять. Я хотела понять, что может подвигнуть успешного во всех отношениях человека так поступить. Я видела его глаза, я была уверена: этот человек не может быть подлецом.

Интересно, чувства могут передаваться на расстоянии?

– Миша читал твою книгу?

– Сахаров кроме книжек по своей кардиологии ничего не читает. У Сахарова всё измеряется уровнем сердца, а всё остальное его не интересует. Он не обременяет себя ненаучными фактами, а тем более женскими догадками. У него одно исключение – футбол. И тоже на уровне сердца. Работа! Сердце! А что творится в моем сердце, он даже не догадывается.

Ника обняла Машу.

– Маш, ему тоже тяжело. Женщины могут поговорить и этим облегчить свои страдания. А мужчины, в большинстве случаев, как твой Миша, все свои переживания держат в себе. Их страдания еще тяжелее. В телевизоре ты увидела глаза совсем незнакомого мужчины и поняла его. Что мешает посмотреть в глаза мужу?

– Ника, неужели ты думаешь, что я его не понимаю? Я-то как раз всё очень хорошо понимаю. Сахарова я не только понимаю, я его взглядом чувствую. От того, как он после душа несет в стирку свои вчерашние трусы, я знаю, какое у него настроение. Посмотреть в его глаза мне очень хочется. Может, тогда и он мои увидит. Одна проблема, я его глаза не вижу. Он приходит домой, принимает душ, включает телевизор, ложится на диван, и смотрит свой футбол, а потом засыпает на диване. Он даже ужинает в своей больнице, меня не хочет нагружать. Я ложусь спать. А когда он ложится, не знаю. У нас близость какая-то автоматическая стала. Если я к нему утром случайно пододвинусь, то «аорто-коронарное шунтирование» для поддержания жизнедеятельности организма мне обеспечено. Руку протянет, погладит по груди. Ни ласки. Ни слова. Ни доброго, ни плохого. Не жизнь, а прямо какой-то технологический процесс по утилизации человеческих ценностей.

– Ну, а он? Сам он что говорит?

– Не знаю. Он ничего не говорит. «Автомат» информации не выдает.

– Маш, ты сама знаешь, у мужчин в депрессивный период случается гормональный спад, это я тебе как специалист говорю.

– Специалист, ты когда в последний раз голого мужчину при свете видела?

– Недавно. У меня племянник родился.

– А спад? – Маша удрученно посмотрела на подругу. – Я думаю, вам и «подъём» мало о чем говорит!

Ника пожала плечами и развела в стороны руки:

– Не всё сразу.

– Спад, к вашему сведению, и у женщин случается. Мне тоже ничего не хочется. Я ничего не чувствую. Ничего!

Физически у Сахарова как раз всё нормально. А спад, я думаю, это не так страшно. Страшнее всего его молчание. Молчит. Всё время молчит. Мы отдаляемся друг друга. Скоро совсем чужими станем.

– Сама поговори с ним.

– Сто раз пробовала. Если я его о чем-нибудь спрашиваю, он отвечает или «да», или «не знаю». Я и Макса не могу допроситься приехать. Не успел побриться первый раз, а уже подругу завел. Какие уж тут родители. У одного спад, у другого подъём! А мне что делать? Понимаешь, я ничего не чувствую! Ни спадов, ни подъемов! Сплошная прямая линия.

– Я сказала тебе. Пиши.

– Ладно, – Маша безразлично махнула рукой, – что об этом говорить. В жизни, как ты говоришь, по инструкции не проживешь. И, как в книге, тоже не получается. Давай ужинать.

Маша достала из холодильника две коробки с салатом и бутылку «Martini Gold».

Ника открыла шкаф.

– Маш, а где мои любимые тарелки?

– Всё в посудомойке.

– Машка, я у вас так хорошо себя чувствую, как дома. Всё какое-то родное, любимое. Даже у мамы не так. Тем более сейчас.

– А что сейчас?

– Потом расскажу.

Ника безошибочно открыла ящик.

– Надо же! – удивилась она. – У нас с тобой даже вилки-ложки одинаково в ящике лежат. Маш, я с тобой пообщаюсь, мне жить хочется.

– Не скажи. У меня состояние: повеситься хочется!

Маша обняла подругу за плечи.

– Только ты и спасаешь! Ни с кем у меня не было таких доверительных отношений, – Маша улыбнулась. – Видать, ты правильно профессию выбрала. Ты – психолог, как говорится, по зову сердца, вернее – души. С тобой я могу говорить обо всем. Никусь, а может, пельмени сварить? У меня их целая морозилка.

– Знаешь, – Маша задумалась и даже чуть улыбнулась, – когда я приезжаю к родителям, мы с мамой на даче всегда пельмени делаем. Сидим, разговариваем, вспоминаем что-нибудь и пельмени лепим. Сегодня с утра я по дням свою жизнь вспомнила.

– Нет, Маш! На ночь? Пельмени? Салатом обойдёмся.

Разглядывая бутылку, затянутую в пластиковую оболочку золотого цвета, Ника удивленно спросила:

– Надо же! Что только не придумают, лишь бы народ спить. Сколько стоит такое новшество?

– Не знаю. Это на прошлой неделе Сахаров принес. Может, от благодарных больных. А может, сам купил, если ещё помнит, что мне мартини нравится.

– И часто вам благодарные больные такие подарки делают?

– Не знаю. Сахаров домой ничего не приносит. Если что-то и приносят, он всё раздает. Не знаю, чем эти больные думают. Спиться можно, если все их подарки употреблять по назначению. Лучше бы книжки дарили, я бы сейчас библиотечкашей работала.

– Маш, а ты не ревнуешь Мишу?

– С чего это вдруг? К голым больным? У него работа такая.

– Ну, ведь ещё и здоровые есть. Врачи женского пола, например. Медсёстры.

– Ты правильно заметила, здоровые. Сахаров только на первый взгляд ангел молчаливый. А на самом деле? Вот у кого всё должно быть по инструкции. По правилам, а еще лучше по закону! А ты где-нибудь видела такое? С ним один раз в магазин сходят и вернут его со всеми покупками обратно.

Маша усмехнулась:

– Еще и мне что-нибудь ценное прикупят, лишь бы назад взяла. Он брюки сам себе купить не может. У него размер всегда не совпадает, не говоря про всё остальное.

– А померить?

– Ну, вот ещё! Размер написан, значит, должно подходить, а если не подходит, значит, шить не умеют. А если его одного отпустить к какому-нибудь чиновнику, то после их разговора бедного чиновника можно смело класть к Сахарову на операционный стол. По мнению Сахарова, никто работать не умеет. Ну, и кому он нужен с таким характером?

Для меня Сахаров как данность. Как родина. Я люблю его таким, какой он есть. И потом, Сахаров мне не изменял. Я ему тоже.

Маша задумалась:

– Знаешь, этот вопрос у нас никогда не стоял. Сахаров и измена? Нет. Это не про него. В этом отношении у нас полное единство взглядов: личная жизнь должна совпадать с семейной. И я, и Сахаров всегда за семью. Сейчас нам только этого не хватало.

Подруги выпили приятный слабоалкогольный напиток и, немного расслабившись, заговорили на актуальные женские темы.

– Ника, ты как рожать собираешься?

Ника удивленно посмотрела на подругу и растерянно пожала плечами.

– Не думала ещё. Для начала, я полагаю, забеременеть надо. А для этого, как ни странно, нужен мужчина. Можно, конечно иначе, но мне естественный способ больше нравится.

Маша приподняла фужер и изучающе посмотрела на содержимое.

– Знаешь, Никусь, если я вдруг вернусь в журнал, – серьезно сказала она, – я обязательно напишу статью о положительном влиянии малых доз алкоголя на мыслительный процесс у одиноких женщин.

Маша положила в фужер лимон и неторопливо отпила вино. Не меняя серьезного тона, она строго спросила:

– И какой из этого вывод? Я имею в виду мужчин.

Ника развела в стороны руки и уверенно сказала:

– Психосоматические реакции могут возникать не только в ответ на психические эмоциональные воздействия, но и на прямое действие раздражителей, например, лимона, – Ника предусмотрительно отодвинула от Маши тарелку с нарезанным лимоном.

– Зря стараешься, лимон у меня как раз положительные эмоции вызывает.

Подруги переглянулись и весело рассмеялись.

– Я всегда говорила, адекватность мышления сближает людей, – Маша положила еще одну дольку лимона в бокал и налила новую порцию мартини, – при всей моей нелюбви к психологам, ты мне сразу понравилась, и кстати, Сахарову тоже. А у него, как ты понимаешь, вызвать положительную психосоматическую реакцию на вашего «брата», – иронично потупив взгляд, Маша посмотрела на Нику, – даже на «сестру», очень трудно, практически невозможно.

– Почему?

– Потому! Сахаров считает: все чувства, а уж любовь тем более, должны возникать сами собой, независимо от внешних раздражителей, здесь имеется в виду длина нижних конечностей, объем грудной клетки и т. д.

Ника грустно улыбнулась.

– А это вы к чему?

– А к тому! Сто раз Сахарова просила, пригласи к нам Дани, познакомим его с Никой. Нет! Упертый, как сто ослов! С места не сдвинется! А я с Дани всего один раз виделась. Самой неудобно его в гости приглашать. Сразу догадается.

Маша вдруг неожиданно вспомнила.

– Слушай, подруга! У меня его визитка есть. Ты запишешься к нему на прием и сама познакомишься. Да он только тебя увидит, сразу влюбится. Меня удивляет: где у мужиков глаза? Куда смотрят? Стройная, худенькая, красивая, а главное, умная! Молодая! Тебе кто-нибудь больше шестнадцати давал? Будь я мужиком, я бы в тебя влюбилась только за одну твою рыжую шевелюру, ещё и кудрявую. Ни у кого такой красоты нет. Дани, конечно, не красавец, но мужчина он приятный, в процессе общения это быстро определяется. Ну, а адекватность мышления и другие важные для жизни физические параметры можно легко определить методом конгруэнтности.

– Чем? – поперхнувшись вином, переспросила Ника.

– Методом конгруэнтности.

– Что-то я про такое не слышала.

– Это не медицинский термин. Математический.

– А это как? – заинтересованно спросила Ника. – Линейку найти не проблема, а что измерять надо?

– Измерять ничего не надо! – усмехнулась Маша. – Соразмерность индивидуумов определяется при взаимоналожении. А все остальное само измерится.

– А-а-а! – понимающе закивала головой Ника. – Ну, до этого, как до медной горы! У меня с этой конгруэнтностью большие проблемы. Я не могу просто так. Удивляюсь, как некоторые могут сразу? Особенно в первый вечер!

– Нет. Без боя сдаваться? Это не про нас! «Святые места» нежным приступом завоевываются. А всё сразу, и в первый вечер? Этот вариант, – уверенно сказала Маша, – я даже не рассматриваю. Понимаю, прогресс! Но не до такой же степени! Я о будущем говорю.

– А я и в будущем не могу. Без чувств почему-то ничего не получается. Даже расслабиться не удаётся, а, следовательно, ни малейшего удовольствия! У моего бывшего в этой самой конгруэнтности я дальше бревна не котировалась. И вообще, я с мужчинами спать не могу, они мне почему-то мешают.

– В этом деле, – успокоила подругу Маша, – кроме знания анатомии эмоциональная составляющая требуется, но для этого, как я понимаю, надо любить. Сахаров прав!

Маша замолчала.

Ника осторожно провела рукой по Машиному плечу:

– Маш, не надо, все будет хорошо. Поверь!

– Ника, отчего так бывает, лето, тепло, а тебя трясет от холода. Руки коченеют. Хочется к печке приложить. Как в детстве.

– Машунь, у тебя есть куда прикладывать руки. Миша любит тебя.

– Наверное, ты права, – согласилась Маша, – мужчинам труднее. На всё нужно время. Знаешь, – тихо сказала она, – сколько не пыталась, я ни одного мужчину не могу представить на месте Миши.

– А зачем тебе представлять?

Маша грустно рассмеялась.

– Это не я. Это по телевизору один идиот сказал, что женщинам очень легко выбирать президентов, губернаторов, ну и всяких там мэров.

– Почему? – удивлено спросила Ника. – Думать не умеем?

– При чём здесь «думать»?! А то как будто все мужчины только и делают, что думают. Если бы они думали, мы бы сейчас в раю жили!

А легко выбирать, потому что они мужчины, а мы женщины! Этот «господин» сказал, если женщина может представить себя рядом с этим мужчиной в постели, значит, выбор верный!

– Ну, точно, идиот! Это я как психолог говорю.

– Идиот не идиот, а я попробовала.

– И какой результат?

– Я моментально разлюбила всех. И даже тех, кого хоть чуть-чуть уважала, за заслуги перед отечеством. Я их как-то совсем по-другому увидела. Получилось, роднее и ближе Сахарова никого нет. Я его даже с новой силой полюбила.

– Да, Сахарова есть за что любить, – уверенно сказала Ника. – Я тут не так давно кровь на анализ сдавала. Ну, а ты знаешь, я люблю в очереди «экспериментировать». Разговариваю с женщиной, и вдруг выясняется: она Мишу знает. К концу разговора я точно знала, кроме Сахарова у нас врачей нет.

– Сахаров родственников не оперирует. Я его люблю просто так. Жаль, что у нас всё так получилось. Почему хорошим людям не везет?

– Всё, всё!

Понимая, о чём сейчас пойдет разговор, Ника прервала подругу.

– Давай лучше про Дани поговорим. Для «нас» это более актуально. У «вас» есть Сахаров, а я «сирота». Про нашу жизнь, пожалуйста.

– Пожалуйста! Записываешься на приём и делаешь соответствующие выводы!

– Да, ну для этого нужна причина. А я вроде бы здорова.

– Скажи, что у тебя геморрой. На первом приеме показывать не обязательно. Литературного пересказа достаточно.

Ника очень выразительно посмотрела на подругу. Её молчание говорило само за себя.

– Не расстраивайся, и оперировать сразу не будет. По правилам сначала назначается медикаментозное лечение.

– А что-нибудь попроще можно?

– А чем тебе геморрой не нравится? Самая распространенная болезнь. Практически у всех или есть, или был. И потом, это самый скрытый дефект.

Представив сцену знакомства, подруги весело рассмеялись.

– Хорошенький повод для знакомства! Мне Сахаровская теория о естественном возникновении чувств как-то больше нравится, – удрученно вздохнула Ника.

– Ну ладно! Ждите, когда само получится! Репродуктивная функция, между прочим, с возрастом снижается. К пенсии не случится, приходи, дам визитку. Тогда точно геморрой будет.

Подруги от души посмеялись, выпили вино и доели вкусный салат.

С грустью вздохнув, Ника вдруг заплакала.

– Никусь, ну ты что? Хочешь, вместе сходим? Я скажу, что у меня геморрой.

– Да, я не об этом. Устала я! Сил никаких нет! Крутишься, крутишься, а для чего всё? Ни семьи, ни детей, и даже эту, твою. Как её? Конгруэнтность. Проверить не с кем. А тут ещё родители на старости лет развелись! Отец маме изменил. Я думала, в этом возрасте уже ничего не бывает, а оказывается... Чем эти мужчины думают?

Маша обняла подругу.

– Да, практически все мужики этим местом думают. У них там всё само, отдельно от мозгов, думается.

– Ну, я понимаю, в двадцать, когда гормональный рост, но в шестьдесят? Я думала, это пограничный возраст!

– Никусь, поверь мне, мужики в любом возрасте – сплошной геморрой, не плачь, всё образуется.

– Ну, у тебя Сахаров вроде другим местом думает.

– Сахаров слишком целеустремленный. Он если и подумает, времени нет. У него операции на полгода вперед расписаны, и это только плановые. Он со мной толком поговорить не может, а тут ещё где-то на стороне напрягаться.

В наш век научно-технического прогресса при таком широком выборе «подручных» средств, да ещё именных, хочешь со звездой экрана, а хочешь со звездой спорта, снять «напряжение» не проблема. Сейчас даже «Эротические выставки для взрослых» проводят. В новостях слышала. Кошмар! Лучше бы на эти деньги курсы ликбеза по вежливому обращению с женщиной открывали. Независимо от прогресса и возраста, женщине тепла и романтики хочется. А при современном темпе жизни, – Маша безнадежно улыбнулась, – у Сахарова в этом плане никакой перспективы. В автоматическом режиме только дома можно. И потом, если дамами увлекаться, где взять время на футбол? Ты лучше скажи, как мама?

– Мама как раз таки нормально. Она папу не простила. Представляешь, взяла и вышла замуж. За его друга. Она, как ни странно, счастлива, а у отца теперь ни жены, ни друга, и сердце болит. Девушка «развела» отца, как первоклассника. Возомнил себя героем-любовником. Квартиру ей купил. Она тут же его бросила. А я теперь мечусь, как не знаю кто. Отца жалко. Мама обижается. У неё редко бываю. Я ведь их обоих люблю. У отца с сердцем проблемы. Я бояться стала.

– Ну, так покажи его Сахарову. Хочешь, я с ним поговорю?

– Поговори. В прошлый раз отца еле «откачали».

– А я думала, мы с Сахаровым надоели тебе со своими проблемами, и ты про нас забыла.

– Нет! Что ты! Вы с вашими проблемами, наоборот, мне как родные стали. Это я со своими проблемами разобраться никак не могу. И профессия не помогает. Дома психолог – не психолог!

– Не переживай! Сахаров – врач от Бога. Он поможет.

– Я думала про Мишу, но как-то постеснялась его просить, вначале казалось, ничего серьезного.

Немного успокоившись, подруги допили «божественный нектар», сварили пельмени, с аппетитом их съели, и в очередной раз поклялись: «Завтрашний день начать с утренней пробежки».

Так и не дождавшись Сахарова, легли спать.

Глава 3

В полусонном состоянии Михаил похлопал рукой по подушке. Жены рядом не было. Он хотел позвать её, но в это время дверь ванной комнаты открылась и Маша в спортивном костюме вышла в спальню.

– Ты куда? – Сонно зевнув, спросил Михаил.

– Бегать.

– Одна?

– Нет. С Никой.

– Почему в выходной день у нас в доме посторонние люди?

– Ну, во-первых, она не посторонняя, а во-вторых, чем у нас выходной день отличается от буднего? Тем, что ты спишь до трех часов дня?

Михаил недовольно повернулся, и из-под подушки выпали его трусы. Маша усмехнулась:

– Я думаю, нарушение «технологического процесса» не смертельно. Эмоциональной составляющей нет. А ваше состояние имеет вполне естественную этиологию. Пописаешь – пройдет. Обед в холодильнике, выбор достаточный.

Маша подняла трусы мужа,

– Нехватку серотонина восполните употреблением пищи. И удовольствие, я думаю, будет более ярким и насыщенным. Ну, а я свою дозу эндорфина получу от общения с природой. Вернусь вечером. Мы едем на море.

Михаил хотел встать, но Маша, дойдя до двери, остановилась и, заложив руки за спину, прислонилась к стене. Вставать абсолютно голым при одетой жене он передумал.

– Сахаров, представляешь, оказывается не только у нас с тобой проблемы. У других тоже не райский сад. Но все как-то стараются помочь друг другу. Гуляют. Пытаются развлекаться, а главное, разговаривают друг с другом. В конце концов, шашлыки на море жарят.

Не дождавшись ответа, Маша вышла из спальни.

Миша встал, зло швырнул свои трусы и пошел в туалет.

Вернувшись за забытой в ванной косметичкой, Маша нажала дверную ручку, но дверь в ванную была закрыта.

– Сахаров, – раздраженно сказал она, – что ты всегда закрываешься? Я что, тебя голым не видела? Ну, кто в наш туалет, кроме нас, заходит? У нас и в гостевой никто не ходит. Косметичку дай!

В чуть приоткрытую дверь Сахаров отдал Маше косметичку и снова закрыл дверь на защёлку.

Маша с Никой уехали на море, а Сахаров лег спать.

Ровно в три часа дня Сахаров проснулся. Он твердо решил позвонить Маше.

Но почему-то передумал и пошел завтракать.

Михаил приготовил кофе, открыл новую коробку своих любимых конфет «Васи», согрел в тостере булочки с кунжутом, которые ему вчера купила Маша. В холодильнике нашел салат из авокадо, нарезал несколько видов сыров, включил телевизор и стал завтракать.

Позавтракав, он почитал журнал, потом сел за компьютер: проверить почту и посмотреть новые статьи. Так незаметно прошли оставшиеся после сна полдня.

Ближе к вечеру, не дождавшись Машу, он пообедал или поужинал, съев с удовольствием салат из брокколи и пельмени.

Домой Маша вернулась в хорошем настроении и с красивым загаром.

– Утром забыл сказать, тебе пришло письмо из редакции, – не отрываясь от телевизора, проинформировал жену Михаил, – похоже, твой незабвенный Эдд никак не может успокоиться.

– Человек старается помочь. Неужели непонятно? В любом возрасте хочется быть нужным. За что ты его так не любишь? Я понимаю, если бы ты ревновал!

Сахаров недовольно посмотрел на Машу:

– Пусть только попробует. Старый пень! Кухонным ножом всё вырежу без наркоза.

Маша просмотрела почту и нашла адресованное ей письмо. В конверте лежало приглашение, информационный лист с кодом электронного билета и вежливая записка с просьбой подтвердить дату вылета.

– Что это? – поинтересовался Михаил.

– Надо же! Я думала, Эдд шутит. Похоже, и правда, книгу перевели, – удивилась Маша, – теперь вот на родину героя приглашают.

– На встречу с благодарными читателями? – простодушно-ироничным тоном пошутил Миша.

– Нет! На встречу с благодарным героем! – таким же тоном ответила Маша.

Миша пропустил мимо ушей шутку жены.

После душа Маша легла на кровать и попросила мужа намазать ей кремом загоревшую спину.

– Маш, ну ты где? Иди сюда, сейчас будут повторять забитые голы, я не видел, как второй гол забили.

Не глядя, вернее, глядя в телевизор, Михаил намазал кремом спину жене, никак не прореагировав на её нагое тело, прикрытое полотенцем спереди.

Надев в спальне легкий халат, Маша вернулась в салон.

– Сахаров, может быть, у тебя кто-то есть? Ты скажи. Я на пути высокого и светлого чувства не встану. Ты же знаешь, у меня всё на добровольных началах. Да – да! Нет – нет! Отпущу с миром.

Сахаров повернулся лицом к жене. В это время как раз повторили второй гол.

– Ну вот, из-за тебя опять второй гол не увидел, – не скрывая раздражения, Михаил зло стукнул кулаком по спинке дивана, – не приставай ко мне со всякой ерундой.

– Смотри, его ещё сто раз повторят.

Не дождавшись ответа на свой вопрос, Маша ушла в спальню.

Погасив свет, она хотела лечь, но вдруг почувствовала, что не может дышать. Она попыталась глубоко вдохнуть, но у неё не получилось. Словно затянутое в жесткий «корсет», тело стало непослушным, и от наступившего удушья появилась слабость.

Ей стало страшно.

«Двери. Надо открыть двери».

Сделав несколько шагов, ослабевшими руками Маша раздвинула стеклянные окна-двери и вышла на небольшой балкон. Опираясь на спинку кресла, она старалась чаще дышать и пыталась вспомнить как правильно вести себя при задержке дыхания. На ум пришло только желание ослабить «корсет». Маша дернула за конец пояса. Атласный поясок легко развязался и половинки легкого халатика свободно распались.

«Надо медленно и неглубоко дышать».

После нескольких вдохов, Маше наконец удалось вздохнуть полной грудью, но нечаянный страх не проходил. Ей хотелось быстрее избавиться от этого неприятного чувства, но быстро, как хотелось, не получалось.

В этот момент она подумала о смерти.

«А вдруг я умру? лягу спать и больше не проснусь. А может, так оно и лучше. Ничего не буду чувствовать. Может это совсем не страшно. Без меня, я думаю, Сахаров не пропадет,

у него работа главное. Макса жалко. Несмотря на свою показную зрелость, он еще совсем ребенок. Максималист. Не зря ему Мишка такое имя дал».

Маша села в кресло, положив ноги на соседнее. Откинув голову на спинку кресла, она закрыла глаза.

«Нет, несмотря ни на что, Сахаров не бросит Макса. Сахаров порядочный человек. И потом, у них профессии одинаковые».

Сидеть в кресле полулежа оказалось не совсем удобно. Маша встала, немного постояла на балконе и вернулась в спальню, оставив двери открытыми. Не снимая халата, она легла на кровать.

Спать не хотелось. Дурацкие мысли о смерти не давали покоя.

«Вдруг, правда, сейчас усну и всё».

Просмотрев все повторы забытых голов, Сахаров пришел в спальню. Маша не спала.

Несмотря на глубокое знание Михаилом анатомии и умелое владение техникой «процесса», сам «процесс» не доставил никому никакого удовольствия.

Не проронив ни слова, Сахаров немного полежал рядом с женой, а чуть погода молча встал и ушёл в кабинет.

Утром, уходя на работу, Михаил спросил:

– Ты поедешь?

– Да, – ответила Маша.

– Я надеюсь, творческий процесс не помешает встретиться с сыном?

Маша испуганно посмотрела на мужа.

– Сахаров, ты в своем уме? Быть в одном городе с ребенком и не встретиться с ним?

– Прости, – зло сказал Михаил и громко хлопнул дверью. Маша вздрогнула.

Проплакав от обиды всё утро, она по электронной почте подтвердила дату вылета, и стала собирать чемодан.

После нескольких попыток ей все же удалось дозвониться до сына. Но, к сожалению, он так же, как и отец, занят какой-то работой, и встретить Машу не может. Какие-то очень важные исследования оказались главнее. Непрерывный процесс работы требовал его постоянного присутствия в лаборатории.

По указанному в приглашении номеру телефона поговорить с живым человеком у Маши не получилось. Оставив на автоответчике свой номер телефона, Маша решила, что возьмет такси и остановится у подруги. Но подруги, как назло, не оказалось дома. Отказываться от запланированного Маше не хотелось. Она еще раз прочитала приглашение. Найдя номер телефона администратора предлагаемой гостиницы, Маша позвонила ему и сообщила дату своего прилета. А просмотрев в Интернете информацию о гостинице, приятно удивилась. Для неё забронировали и оплатили номер в пятизвездочном отеле.

Глава 4

Сандра поставила на стол чашку кофе и корзинку с миндальным печеньем. Она хотела уйти, но муж попросил её остаться и посидеть рядом с ним.

Крис закончил читать книгу о Лео, а, как выяснилось, и о себе.

«И все же непонятно, – продолжая размышлять над прочитанным, – если она ни с кем не встречалась, а со мной и Лео точно, то как можно так чувствовать другого человека? А может, она все-таки встречалась с Барбарой? Или, ещё хуже, с Мадлен?»

Крис положил руку на книгу:

– Странно. У меня такое ощущение, будто я снова вернулся в своё детство.

«... Из школы, по дороге домой, друзья всегда проходили мимо стадиона. И каждый раз, забыв обо всём на свете, они наблюдали за тренировкой местной команды. Но когда на смену взрослым приходили дети, друзья уходили домой. В эти минуты они задыхались от оскорбленного мальчишеского самолюбия. Чувство собственной непригодности больно ранило их еще не окрепшее сознание. Они даже втайне друг от друга плакали.

Они очень хотели играть в футбол, но их не взяли».

Вспомнив детскую мечту, Крис улыбнулся. И вдруг, неожиданно почувствовал щемящую боль в груди. От обиды. Как в детстве.

– Почему всегда хочется именно то, что нельзя?

«Мальчики мечтали попасть в детскую футбольную команду. Но у одного обнаружили какие-то шумы в сердце и ему запретили бегать, а у другого оказался лишний вес.

Ребята из команды посмеивались над ними и, не стесняясь, называли их неразлучной парочкой неудачников. Они действительно были неразлучны. Да и как им разлучаться? Живут рядом, учатся в одном классе. У них даже дни рождения в одном месяце. Наверное, поэтому им нравится одно и то же. А ещё они могут наперегонки съесть бесчисленное количество пирожных или сладких булочек, с одной лишь разницей: один не толстеет, а у второго мгновенно перестают застёгиваться штаны.

Но самое главное в их жизни – это любовь к футболу! Они знают про футбол всё! Они знают в лицо всех своих кумиров, а с некоторыми даже дружат.

Футбол! Что может быть для мальчишки заманчивее? Особенно, если друг твоего отца – знаменитый футболист!»!

Через год непонятные шумы в сердце Лео исчезли.

Друг отца подарил Лео настоящие вратарские перчатки и майку:

– Так ты будешь играть, и тебе не надо будет много бегать. Я буду тебе помогать.

Выбор сделан!

Долгожданное утро. И вот оно – счастье!

Мечта Лео начинала сбываться.

На первую тренировку он гордо шёл рядом со своим наставником.

Крис остался не у дел.

Родители Криса нашли выход – подарили сыну видеокамеру. Это отвлечет его от переживаний, решили они. Не столько по поводу футбола, сколько по поводу дружбы с Лео: теперь они будут реже видеться. Родительская мудрость быстро вернула всё на свои места.

Отец Криса сказал: «Ты будешь снимать игру Лео. Это поможет быстрее увидеть удачные моменты и ошибки. Только настоящий друг скажет другу правду. Так Лео быстро станет хорошим игроком».

Так, как хочется, не всегда получается.

Лео играл мало. По большей части он сидел на скамейке запасных.

Но упорство этой неразлучной парочки было поистине героическим.

Крис стал личным оператором у Лео, а Лео личным тренером у Криса.

У них была одна цель – стать лучшими.

Шло время.

Не всё в жизни незыблемо, не все места заняты и не всё сделано.

Накануне отборочных игр заболел спортивный комментатор на местном телевидении.

Срочно объявили конкурс. Крис победил.

Любовь к футболу и знание игроков не только в лицо, но и изнутри, сделало его репортаж интересным и веселым. Его беззлобные шутки понравились даже тем, над кем он шутил.

Так Крис попал на телевидение.

Но со временем лавры спортивного комментатора, хоть и любимого, мало устраивали Криса. Ему хотелось сделать нечто большее, чем веселые репортажи с «поля боя» о «битве титанов».

Получив образование, он вернулся на телевидение с огромным запасом знаний и бесчисленным количеством идей. Тематическое и техническое реформирование телевидения требовало колоссальных усилий, материальных затрат и времени.

Работа, работа, работа! Крис потерял счет времени.

Лео тоже работал. Бесконечные тренировки, мечты о Барбаре и ничего другого.

Барбара!

Эта беззаботная девчонка однажды небрежно крикнула ему вслед всего лишь одно слово «запасной» и задела за самое больное.

Не жалея сил и времени, Лео тренировался дни напролет.

«Непреодолимое желание играть. Играть лучше всех!» Эта мысль не покидала его ни на секунду.

Его упрямство заметили и взяли в городскую команду.

В двух играх подряд Лео пропустил шесть мячей. Без всякой надежды он еще год просидел на скамейке запасных.

Крах?! Нет! Для Лео – это стимул работать. Работать еще больше и лучше!

Он забыл обо всём! О Барбаре, о развлечениях, о всём, что отвлекало его от тренировок.

Удача? Или, как всегда, случай?

Перед финалом кубка страны основной вратарь получил травму. Кроме Лео, других кандидатов не было.

Подобно льву, охраняющему свою территорию, Лео защищал ворота. Ни в основное, ни в добавочное время он не пропустил ни одного мяча. Вратарь соперников тоже.

Пенальти.

Теперь все решали пенальти, вернее, вратари!

Лео не слышал ни свиста, ни криков болельщиков. Он не слышал, что ему говорил тренер. Он не видел игроков. Он не видел даже их ног.

Его магнетический взгляд был прикован к маленькой белой точке.

Мяч!

В это мгновение для Лео не существовало ничего другого. Он видел только мяч! Сейчас эта белая точка на необъятном зеленом поле стала центром вселенной.

Первый удар!

Мяч пойман!

Стадион взревел, оглушив Лео своим криком.

Второй... Третий!

Дальше играть бесполезно.

Обхватив крепко мяч, Лео лежал на траве, не чувствуя тяжести навалившихся тел.

Наконец-то он встал, вернее, его подняли. По лицу Лео катились капли пота, смешанные со слезами, которых никто не заметил.

Глоток свежего воздуха, и вновь чьи-то крепкие объятия.

Тренер, обхватив Лео за голову, целовал его, как самого дорогого на земле человека: «Поймай три мяча подряд! Лео – ты герой!»

Лео не слышал этих слов! Он «оглох» от рева и ликования трибун!

«Извини, но это всего лишь игра», – скажет Лео вратарю соперников.

«Это всего лишь игра». Так скажет Лео, но истинный смысл этих правильных слов сам поймет много позже.

– Лео! – изо всех сил закричал ворвавшийся в раздевалку Крис.

Под общий хохот команды Крис отобрал у Лео крепко прижатый к груди мяч, предварительно, конечно же, сделав фото героя.

– Лео, я сейчас брал интервью у главного тренера сборной, он сказал, ты кандидат в сборную! Лео, ты слышишь?

Непробиваемый Томас играет последний сезон!

Лео! Очнись! Ты победил!

«Лео! Ты победил!»

Кофе давно остыл. А Крис, обняв Сандру, сидел на садовом диванчике и вспоминал свою прошедшую юность.

Телефонный звонок прервал его приятные воспоминания.

Звонила переводчица с русского телеканала. По просьбе Криса она читала книгу о Лео в оригинале и в переводе. Она сказала, что книга ей понравилась. Но в оригинале книга лучше, чем в переводе. В ней ярче переданы чувства героя, благодаря юмору и игре слов лучше понимаешь его состояние, настроение, переживания. В оригинале чувства сильнее.

Крис открыл книгу. Напряженно разглядывая портрет автора, он невольно спросил: «Ты была нашей тенью? Неужели так можно чувствовать? Как?».

От «взгляда» её зеленых глаз у Криса пробежал холодок по спине.

– У неё красивые глаза, – разглядывая фото, сказала Сандра, – взгляд глубокий. Интересно, сколько ей лет?

– Не знаю, – ответил Крис, – в предисловии ничего не сказано ни о возрасте, ни о месте, где родилась, ни о семье.

Он перевернул книгу. На узкой фотографии, озорно взмахнув сумкой и поджав одну ногу, автор книги, как девчонка, прыгала по начерченным на асфальте детским классикам.

Крис снова прочел аннотацию:

«...автор не встречалась с прототипом героя романа. Всё, описанное автором, – это личное восприятие героя в предполагаемых ситуациях.

Это не биографический роман».

«Не биографический роман». Крис вздохнул и еще раз растерянно посмотрел на книгу:

– Это как раз самый лучший биографический роман.

Глава 5

В выходной Крис позвонил Лео:

– Надо поговорить. Обсудить «ваши» гениальные идеи.

Лео, не раздумывая, согласился.

Лежа на шезлонге, Крис продолжал размышлять о непонятном желании Лео встретиться с автором книги. Он никак не мог понять причину его желания:

– Лео, не занимался бы ты аферами, у меня какое-то нехорошее предчувствие, – сказал вслух Крис, лежащему на соседнем шезлонге другу, – тебе скоро сорок стукнет, а у тебя ни жены, ни семьи. Спортивная карьера успешно завершена. Пора про надежный тыл подумать!

– Я не тороплюсь! Вернее, не хочу!

– Ну, чем тебе Ивон не жена? Молодая, здоровая. Любит тебя. Детей тебе родит. Слава и деньги, это, конечно, важно, но ты сам лучше меня понимаешь, это не самое главное в жизни. Тем более, у тебя всё это есть. Или еще не все «розы» твои? Что ты задумал?

– Ты прав. Ивон любит. Мои деньги. У неё представление о жизни, как о журнале с красивыми картинками. Дети у меня есть. Мне вполне достаточно сына и дочери. А жениться я не хочу. Я устал от женских капризов, от «хочу это», «хочу то». Все эти «хочу» очень быстро перерастают в «ты должен»!

Десять лет я добивался согласия Барбары. Добился. Два год мы были счастливы. Когда родился Лукас, я на мир смотрел другими глазами. Я передать не могу, что я чувствовал!

Крис чуть приподнялся и повернулся к другу. Лео неотрывно смотрел в небо с каким-то странным выражением лица. Непонятное желание и безрассудное упрямство – это единственное, что видел Крис.

Крис впервые не понимал друга. Но он хорошо помнил то время, о котором говорил Лео,

– Любимое дело! Слава! Успех! Тебе этого было мало? Хотелось всего и через край?

– Да! Да! Мне хотелось большего! – продолжая смотреть вдаль, спокойно ответил Лео. – И никто не может меня упрекнуть в этом. Я слишком долго и трудно шёл к своему Олимпу! Это у вас, у журналистов, всё легко получается. Всего два слова – головокружительная карьера! А что за этим стоит, знаю только я!

Одно правда: голова кружится. От ударов мяча.

А после тренировки ты падаешь замертво и тебе, кроме сна, ничего не нужно. Крис! Ты ли этого не знаешь?

А про «розы», скажу честно, розы нужны. И розы были! Но и они оказались с очень длинными шипами.

Работа! Тяжелая, изнурительная работа. Всегда. И чем больше роз, тем тяжелее работа. «Розы» очень быстро вянут.

Крис всегда понимал друга, даже тогда, когда его не понимал никто. Он понимал упорство Лео, понимал, почему Лео женился на Барбаре, понимал, почему развелся. И Барбару Крис тоже понимал.

Барбару Крис называл «галерейщицей».

Барбаре нравилось собирать «картинки» из спортивной жизни мужа. Особенно триумфальные.

Очень скоро основой её «коллекции» стал триптих – спортивная, общественная и семейная жизнь Лео.

Надо отдать должное, Барбара с усердием следила за порядком и чистотой в своей «галерее». Вовремя вытирала «пыль», по необходимости «реставрировала» старые картинки, приобретала новые.

А для особо доверенных журналистов открывала запасники, в которых бережно хранились «исторические картинки» про их с Лео любовь.

Показательная коллекция всегда содержалась в образцовом порядке и являлась непререкаемой гордостью Барбары.

Крис всё понимал!

Но сейчас!

Сейчас он не понимал ничего.

Зачем???

Зачем Лео нужна встреча с автором книги? Тем более такая, какую он задумал.

– Знаешь, что я чувствовал, когда впервые вышел на стадион? – прервал раздумья Криса друг. – Нет, не на наш, с несколькими рядами скамеек, а на настоящий, на огромный? Я чувствовал, будто меня абсолютно голого выставили на обозрение семидесятитысячной толпы.

Ловить мяч? Какой мяч? Я ничего не соображал. У меня был психологический шок.

Но кому это интересно?

Я еще два дня не мог избавиться от свиста и гула в ушах.

А потом был страх.

Мне, казалось, все от меня чего-то хотят, а я не справляюсь. Но я должен. Я должен быть всегда в форме. Я должен соответствовать требованиям. Я должен! Должен! Должен!

Я работал. Я хотел быть лучше.

Я работал до изнеможения. Я ложился спать и просыпался с одним и тем же вопросом: «Что сделать, чтобы играть лучше»?

А когда ко мне пришел опыт, понимание игры, интуиция, расчёт, о работе все забыли. Оказывается, я всего лишь удачлив. Кроме мяча, я умею ловить удачу! А вопросы «как» и «почему» мало кто задавал.

Зачем?

Особенно мне «нравится», когда «сопливые» мальчишки уверенно рассуждают о моих не пропущенных мячах: «Ах! В этом матче удачливый Лео Ланге поймал кураж»!

Одному я предложил купить у меня «сачок» для ловли куража! Он долго смеялся.

Удивительно! Эти писаки знают всё, о чем я думаю, и о чем не думаю. Что хочу и что – нет! Но самое поразительное, они точно знают, что я должен!

Все эти двадцать лет я не мог распорядиться своей жизнью. Полная зависимость от написания игр, от команды, от тренера и даже от совершенно незнакомых мне людей, которые хотели видеть во мне ими же придуманный идеал. И я почему-то должен был соответствовать этому выдуманному идолу. А если я ошибался! Не в игре! А в своей личной жизни, которая, кроме меня и моей жены, никого не касается. На меня обрушивался шквал негодования и упреков. Оказывается, я символ! И самое смешное, больше всех осуждали те, у кого свое рыльце не в пушку, а заросло хорошей щетиной.

Ты сам знаешь, как я хотел играть! Футбол – это моя мечта.

А что чувствует человек, когда сбывается его мечта?

Я получал удовольствие от ожидания игры, от всеобщего напряжения, даже от развевающихся флагов. Не говоря уже про саму игру. Но я понимал и то, что это всего лишь игра. И за пределами поля другая жизнь и другие правила. Мне и в этой жизни хотелось быть полезным и нужным. И от этого я тоже хотел получать удовольствие.

Но от меня все чего-то требовали и чего-то хотели. Болельщики хотели, чтобы я с ловкостью пантеры прыгал и ловил мячи, исправляя ошибки других. Барбара хотела, чтобы я принадлежал семье, и в то же время ей хотелось иметь всё. Сначала дом, потом большой дом, потом дом с бассейном, и всё это должно было быть образцовым.

Чем больше я старался, тем больше от меня требовали. И заметь, не хотели, требовали. И никто не спрашивал, чего хочу я! А я хотел заниматься любимым делом и быть самим собой.

Всем требовалось одно – удовольствие! А мои удовольствия в расчет не принимались. Об этом никто не думал!

Стране нужен положительный пример!

Не спрашивая, меня сделали героем!

И вдруг герой уходит из образцово-показательной семьи. Вот незадача! «Пример» оказался живым человеком.

В одночасье я становлюсь изгоем!

Все прошлые заслуги, причем общественные, забыты! Всё вычеркнуто!

Мы выиграли чемпионат мира. И вот парадокс, я вновь стал героем! Мои грехи забыли. Все почему-то вдруг вспомнили, что я человек, а не робот.

«Интересно, что это?»

Чувства?

Влечение или всё-таки любовь?

Что стоит за их связью?

Простит или не простит?

Любит или не любит?»

Эти вопросы без труда читались почти во всех масляных глазках, которые я видел напротив. Глядя в эти глазки, я научился «играть» и с ними. Иногда я просто шел у них на поводу и отвечал то, что от меня хотели услышать. Какой восторг излучали эти «кругленькие пуговки», готовые с треском «оторваться», если сказанное мной «совпадало» с их предположением! Им казалось, они всемогущи и «читают» меня, как открытую книгу.

Меня это забавляло.

Но недолго.

Какой я? Не знает никто. Даже я сам.

Лео встал с шезлонга. О чём-то думая, он неспешно ходил вдоль бассейна. Он не производил впечатления уставшего человека. Наоборот.

Крис понимал, откровение Лео не было итогом его разочарования в чём-то. Лео всегда всё делал обдуманно. Играя в футбол, он анализировал каждую игру, каждое своё движение, каждый пойманный мяч и тем более каждый пропущенный. И если предыдущего вратаря сборной звали – непробиваемый Томас, то Лео был непробиваемой скалой. Когда в воротах стоял Лео, защитники играли в зоне соперника. Силе и мощи Лео не было равных.

Его приглашали лучшие мировые клубы, но он играл в своём. Из спорта он ушел на пике своих возможностей и славы.

Футбол – это всего лишь игра. Это он знал точно.

В перерывах между тренировками Лео не тратил время на пустые занятия, а читал умные книги. Учась в университете, к удивлению многих, никогда не пользовался своей известностью и популярностью. Учил всё от «а» до «я». Получив образование юриста, на достигнутом останавливаться не собирался.

Лео думал всегда. Но что сейчас происходит с другом, Крис понять не мог.

– Понимаешь, – Лео повернулся к Крису, – я не могу быть средством для достижения чьих-то целей. У меня есть свои цели. Сейчас я свободный человек. Своим временем, собой, своей жизнью я распоряжаюсь сам! И я счастлив! А с Ивон я честен. Я изначально предупредил её о характере наших взаимоотношений. Выбор она сделала сама. И она по-прежнему свободна в своем выборе.

Бесценный опыт я получил, общаясь с Мадлен. Эта маленькая и жадная обманщица не смогла долго притворяться понимающим человеком. Увы! Этой лгунье нужен был не я, а всего лишь комфортная жизнь и удовольствия, которые я мог обеспечить.

Как жить? Что делать? Я хочу решать сам. Сам!

– Ну, а все эти сумасшедшие комбины тебе зачем?

– Мне интересно. Я сам еще не могу до конца объяснить, почему я это делаю, – Лео задумался, – это не каприз, который я могу себе позволить. Что это? Я не могу понять. Но очень хочу.

Понимаешь, Крис, я хочу понять. Как это возможно? Не быть знакомым с человеком! Не знать его! И так чувствовать! Что это? Жизненный опыт, страдания? Или что-то свыше?

– Ну-ну. Я тебе без всего этого скажу, – Крис постучал пальцем по книге. – Она встречалась с Барбарой, – немного помолчав, Крис добавил, – или с Мадлен.

– Барбара не будет нарушать запрет. Слишком дорого. А Мадлен сейчас не до меня. Она познаёт азы сюрреализма с каким-то художником, то ли в Африке, то ли в Америке. А заодно приобщает его к жизненным реалиям.

– А ты откуда знаешь?

– Откуда? – Лео ехидно усмехнулся. – Мадлен не то, что в ресторан, в туалет без прессы не ходит.

Лео тяжело вздохнул и замолчал. После недолгих размышлений он как-то очень доверительно и искренне попросил друга:

– Крис, у меня к тебе большая просьба. Ты можешь встретить Марию сам? Мне хочется услышать её честные ответы на твои вопросы. Я понять хочу.

Крис молча посмотрел на друга. Он знал Лео «тысячу лет». О Лео Крис знал всё. Но сейчас, как ни старался, он не мог понять ни смысла, ни мотивов его действий.

– Что ты хочешь понять?

– Себя. Я что-то чувствую, но пока не могу понять, что именно.

Лео опять замолчал и о чём-то задумался.

Задумался и Крис: «Вроде не похоже».

– Лео, а ты часом не заболел?

– Крис, я абсолютно здоров!

– Нет, Лео, я не об этом. Может, тебе деньги и твоя слава не дают покоя?

Лео застыл от удивления:

– Я тешусь деньгами и славой? Крис, ты всегда понимал меня. Скажи, что случилось?

– Да, ничего не случилось. Просто я никак не могу понять. Зачем тебе всё это надо? Лео, если тебе надоело спать с Ивон, так эта, – Крис показал на книгу, – замужем. Муж хирург. Я в Интернете читал.

– Крис, ты о чём? – Лео растерянно развел руками. – У меня и в мыслях не было!.. Я устал, Крис. Мне всё надоело! Ивон, враньё, интриги, хитрые масляные глазки! Всё! А это, – Лео взял в руки книгу, – это как глоток чистого воздуха. Она, – Лео с силой ткнул пальцем в книгу, – она ведь даже не знает, кто её приглашает. А ты говоришь, спать! Рядом с ней мне только подышать хочется. Я хочу узнать, как это бывает: быть самим собой. Я не знал, что могу быть именно таким, каким она меня чувствует.

– Лео... Лео, тебе ли жаловаться? Работа интересная, куча проектов, встреч! И тебе всё надоело? А кому не надоело? – сам себе ответил Крис. – Я как будто каждый день вместо работы на прогулку хожу!

– «Слава»? Крис, и это говоришь ты? Знал бы ты, как я устал от этой славы! Это вначале меня приводили в трепет плакаты с моим именем и крики болельщиков. А сейчас мне больше всего хочется стать невидимкой.

«Поучаствуйте в нашей рекламной кампании! Съешьте наш бутербродик! Наденьте наши трусики. Станьте нашим лицом».

Понимаешь, у меня свое лицо есть. И я больше всего на свете хочу быть именно самим собой.

Я изменился! Я уже не тот мальчик, стоящий за ограждением и желающий во что бы то ни стало попасть на поле и поиграть в мячик.

Лицо клуба, лицо компании, лицо месяца, года... И в какой-то момент моё лицо – уже не моё лицо, а чей-то товарный знак. А кроме лица у меня ещё есть душа, – Лео иронично усмехнулся, – внутренности есть, другие части тела, мысли есть, и многое другое.

– Ну, кто бы сомневался, – Крис понимающе улыбнулся.

– Крис! Я не этого хочу! Я хочу, чтобы меня любили не потому, что у меня есть счет в банке, не потому, что я чьё-то лицо, а потому, что у меня есть сердце, есть мозги и в конце концов потому, что я человек. Просто потому, что я это – я. Я сам хочу любить! Сам! Я еще ни разу в жизни не любил.

– О-о-о! Романов начитался! Ну, тогда сделай пластическую операцию! Или в джунгли. Там тебя ни одна обезьяна не узнает. А как же Барбара? Разве её ты не любил?

– Думал, что любил. Сейчас не знаю! Барбара сама всё испортила. Она слишком долго играла мной. Десять лет, это много. В итоге она стала для меня, как завоеванный кубок. Победа! Радость! А потом на «полку».

– Ну, ты же вернулся к ней.

– Я люблю детей, Крис. Дети – это моё продолжение. Я прихожу в бешенство от мысли, что кто-то позволит себе неуважительно относиться к моим детям. Я не идеализирую их. Но только я могу их любить, ругать, воспитывать и учить. И потом, к тому времени я многое понял. Удовольствия за деньги мне надоели. Но Барбара опять сделала ошибку. Любое свое недовольство она подкрепляла напоминанием о разводе. Она как будто мстила мне за мою ошибку. Её ревностная месть очень быстро утомила нас обоих. И как ни странно, Барбара поняла это первая.

Крис и Лео лежали в шезлонгах и продолжали разговаривать.

Вдруг с визгом: «Папа, он сейчас меня убьет», на Крису свалился его младший сын Том, за которым, размахивая тяжёлой подушкой, бежал его старший брат Артур. Вслед за Томом к Крису на грудь запрыгнула маленькая болонка Джерри. Крис не успел ещё раскрыть рта, как от руки Артура Джерри полетела в бассейн, а следом за ней в бассейн был брошен Том.

– Артур, в чем дело? – Строго спросил Крис.

– Папа, эта маленькая дрянь написала на мою подушку, которую мне подарила Ниу.

– Няу-Мяу, – скривив свое веснушчатое личико, передразнил брата Том.

– Всё! Разошлись! У меня сегодня выходной. Няу твоя уехала, теперь можно спать и на нормальной подушке.

– Ниу, – поправил отца сын и бросил подушку рядом с шезлонгом Лео.

Лео приподнял странно шелестевшую подушку и спросил:

– Что это за подушка? И кто такая Няу?

– Ниу, – засмеялся Крис, – этот будущий «гомеопат» желает изучать китайскую медицину и каждые каникулы ездит на её родину. Ну, а с Ниу на этой подушке из какой-то шелухи, сам понимаешь, практический обмен опытом!

Зевнув, Крис удивленно развел руками и, наклонившись к Лео, шепотом сказал:

– Не знаю, какими процедурами эта Ниу занималась с нашим «гомеопатом», но он так стонал, мы с Сандрой спать не могли. Ну, а поскольку Том у нас не глухой, вот он его и дразнит. А Джерри нравится эта мерзкая подушка, она шелестит и Джерри думает, что это как раз то, куда надо писать. Она её давно пометила.

– Том, вытрись полотенцем, – предусмотрительно крикнул Крис сыну. Не ходи в дом мокрый. И выкини наконец эту подушку. Молодец, Джерри!

Глава 6

После вечерней пробежки, спать не хотелось, и Лео вновь открыл книгу о себе:

«— Мадлен, тебе сегодня повезло, — язвительно усмехнулся бармен, полный и заметно обрюзгший мужчина, — посмотри, кто у нас отдыхает.

— Какое это везение? Они все женаты.

— А тебе какая разница? Женаты, не женаты. Главное, счёт в банке у всех приличный!

— Деньги, конечно, не пахнут, но мне бы хотелось и своё будущее как-то устроить. Надоело всё.

— Тогда тем более. Обрати внимание на самую крупную звезду из этой компании.

— Смысл? У него жена, дети, семья, карьера в полном расцвете. Зачем ему что-то менять.

У него всё отлично, — Мадлен завистливо хмыкнула, — он еще и пример для подражания! Интересно, за хорошее поведение тоже деньги платят?

— Мадлен, выйди на улицу.

— Зачем? Там холодно.

— Как раз то, что нужно! Мозги закристаллизуются. И ты, может быть, начнешь соображать. Запомни! — погладив себя по щетинистой бороде, назидательно сказал бармен. — В ослабленном состоянии тщеславный человек самая легкая добыча. Прежде, чем заниматься своим ремеслом, не мешало бы изучить курс общей психологии. Тогда бы не пришлось под кого попало подкладывать.

— Арни, а может, он не из тщеславия всего добился? Может, просто умный.

— Все, кто в публичной профессии, все тщеславны. Другие не идут. Тщеславны и дураки, и умные. Дураки хуже заканчивают. Они живут сегодняшним днем и думают: всё, что есть сегодня — вечно. А умные, понимают: «завтра» обязательно наступит. Потому и работают, как сумасшедшие. И еще запомни, бедный бедному не поможет. Помочь может богатый и счастливый.

Мужчине нравится чувствовать себя всемогущим, даже не самому богатому. У него это от природы. А у богатого — и от природы, и от денег.

Прикинься бедной «овечкой», про проблемы в семье жалостливо наплети, скажи, здесь вынужденно подрабатываешь. Это же классика. И про усталость не забудь сказать, только не про ту, какая на самом деле, — Арни широко улыбнулся, — да, не будь дурой, и не заваливайся с ним в постель после того, как он проводит тебя домой. Подожди, пока пригласит отдохнуть.

— А вдруг не пригласит?

— Пригласит! У него месяц назад жена родила. Наш герой давно в застойном периоде. Тебе особо и напрягаться не придется. Основной инстинкт сработает.

— А если не сработает? — Мадлен ехидно усмехнулась.

— Ну, а если не сработает, подготовим «случайную» встречу. Так и быть, я тебе разрешу свою собачку «потерять» в нужном месте. Я знаю, где он между тренировками отдыхает.

— Собачку не жалко? Зима все-таки.

— В отличие от вас, проституток, она всегда домой приходит.

— А может, он и провожать не собирается? — заинтересованно спросила Мадлен, пропустив мимо ушей слово «проститутка».

— Мадлен, всё по отработанной схеме, пиво от клуба, а остальное как всегда!

— Ты думаешь, так просто всё получится?

— Получится, — уверенно ответил Арни, — немного терпения и всё получится. Запомни, чем проще, тем лучше. Простота подозрений не вызывает.

— Арни, а ты психолог! Где учился?

– Книжки правильные читаю в свободное от работы время. Да и собственный опыт имеется.

– А про мозги откуда знаешь?

– Отец кристаллографию в университете преподавал. Иногда, научными знаниями с детьми делился. Ну, а я могу и ещё кое-каким опытом с тобой поделиться, пока он тебя «добиваться» будет, – Арни мерзко засмеялся и грубо схватил Мадлен за талию, – приходи, совместим с уроками психологии. Ну, и «кристаллографию» подтянем!

– Арни, а почему именно этот, – Мадлен посмотрела в дальний угол, где за крайним столиком сидели трое мужчин, пили пиво и спокойно о чём-то говорили.

– Мне вон тот слева больше нравится, он красивее и моложе.

– У этого денег больше. Я слишком удачливых не люблю. Это образцовое лицо мне почему-то совсем не нравится. Слишком правильный. Всё одному – и карьера, и успех, деньги, семья. Не много ли?

Арни опять усмехнулся,

– А этот красивый и молодой недавно женился. Его жена ублажает. Профессионально!

– А ты откуда знаешь? Может, он её?

– Она! – Уверенно ответил Арни, – она у него в порнофильмах снимается. Мальчик личный порноклуб приобрёл. Здесь пока никакая психология не поможет.

– А почему пока?

– Он ещё не понимает, в какое дерьмо влез. А вот когда нахлебается, тогда поймет. Жена должна быть непорочной, как дева Мария.

– А муж не должен быть непорочным? Кто бы говорил!

– Знаю, вот и говорю.

– Арни, и откуда ты всё знаешь? У кого сколько денег? Какая жена? Ты же футбол не любишь?

– Футбол я люблю, я футболистов не люблю. Правда, не всех. Иди, а то скоро закрываться будем.

Мадлен взяла три больших кружки пива и направилась к дальнему столику.

Она не очень ловко поставила кружки, и пиво пролилось на джинсы Лео.

– Простите, пожалуйста, – взмолилась Мадлен, – только не жалуйтесь нашему администратору, это он прислал вам пиво. Он ваш поклонник. Я вторую ночь на ногах. Устала. Простите.

Лео поднял голову. На него смотрели испуганные, светящиеся искренним сожалением глаза молодой девушки.

– Простите, – смущенно повторила она, – пиво на одежде неприятно пахнет, я могу вам помочь, у меня есть фен. Я могу все исправить. Пойдёмте.

Не дожидаясь ответа, она взяла Лео за руку и повела его за собой. Они прошли через зал, и вышли в полутемный коридор. Мадлен открыла ключом одну из дверей, и они оказались в небольшой комнате.

В комнате стояли шкафы для одежды, кожаный диван, небольшой стол, а рядом с дверью висело зеркало.

– Садитесь, – Мадлен застенчиво улыбнулась, – я сейчас.

Она открыла дверь рядом со шкафом, и через минуту она вернулась с мокрым полотенцем.

Быстро наклонившись, она ловко протерла пивное пятно на джинсах Лео.

– Сейчас феном подсушу и всё.

Мадлен наклонилась. Сквозь теплый воздух фена Лео услышал аромат её духов, а рядом с её ушком из собранных в пучок волос выбивались маленькие, как у ребенка, завитки. Лео улыбнулся и тут же вскрикнул:

– Горячо!

– Ой! Простите. Умоляю вас, не жалуйтесь. Меня сразу выгонят, а для меня эта работа спасение.

– Для такой красивой девушки, я думаю, эта работа не предел мечтаний.

– Вы правы, это не основная моя работа. Просто здесь платят хорошо, а мне нужны деньги.

– Ты учишься?

– Нет, у меня мама болеет, а младший брат ещё в школе учится.

– А папа?

– А папа решил не обременять себя проблемами больной жены. Он живет отдельно. В другом городе.

Мадлен старательно пыталась исправить свою оплошность.

Лео она показалась заботливой и очень трудолюбивой. Ему даже стало жаль её.

– Ну вот, вроде пятно высохло.

Она опять резко наклонилась к ногам Лео и по-детски громко шмыгнула носом.

– Не пахнет.

От неожиданного наклона Лео отпрянул и не очень ловко встал с дивана.

– Ты такая быстрая.

– К сожалению, нет. Мой шеф вечно мной недоволен. Я больше двух кружек не могу унести.

Она виновато вздохнула и, как нашкодивший ребенок, опустила голову:

– Сегодня попробовала донести три. Результат, к сожалению, вы знаете.

– Не расстраивайся, я жаловаться не буду. Скажи, о чём ты мечтаешь?

– Прямо сейчас?

Лео невольно улыбнулся искренности этой ещё почти совсем девочки, взвалившей на себя, как ему показалось, непосильную ношу.

– Сейчас мечтаю только об одном – в душ и спать. А если серьезно, – Мадлен подняла голову и очень пронзительно посмотрела на Лео, – мечтаю, как и все, о лучшем. Но, к сожалению, жизнь так просто это лучшее не отдаёт. Его заработать нужно.

– Маленькая, а соображаешь, – Лео пальцем провел по щеке Мадлен, – ты красивая, я думаю, у тебя получится.

– Вот и вы так же думаете. Как все. Если девушка в ночном клубе работает, значит с ней можно всё. Вы показались мне понимающим человеком, а вы..., – Мадлен обижено отвернулась.

– Не обижайся, я совсем о другом подумал. Такую красивую девушку, я думаю, опасно обижать.

– Почему вы так думаете?

– У такой красивой девушки наверняка есть защитник.

– У меня нет защитника.

– Не может быть.

– Другу нужно уделять время. А я не могу. Днем на основной работе, потом два часа сон, а с девяти до четырех утра здесь. На этом диване сплю до семи, потом душ и к девяти опять на работу. И так каждый день.

– А выходные?

– Выходные в клубе два раза в неделю. И то, если получится. А в субботу и в воскресенье я работаю две смены подряд. В выходные оплата выше.

Мадлен еще раз неожиданно наклонилась и провела рукой по его ноге.

– Всё! Джинсы сухие, можете идти.

От её прикосновения Лео вздрогнул. Тепло её руки оставило приятный след.

– Я смотрю, ты способная, – удивленно покачал головой Арни, – быстро ты его «обогрела». Лицедейка отменная!

– А может я искренне, – уверенно ответила Мадлен, – в конце концов, я не машина, человек».

Лео отложил книгу в сторону.

«Искренности Мадлен хватило ненадолго. До первой публикации в прессе.

А я ведь, действительно, собирался ей только помочь.

Если бы не та случайная встреча у дома моего брата.

Харальд был в отъезде, ключи от квартиры он оставил мне.

Анна-Мария только родилась и была очень беспокойная. Плакала днем и ночью. На помощь Барбаре приехала её мама.

Я готовился к чемпионату. Напряженные тренировки два раза в день, с ног валился от усталости. Все нервные. Ещё и дома нет возможности отдохнуть. Барбара, как могла, поддерживала меня, но и у неё не всегда хватало сил.

В квартире Харальда я отдыхал между тренировками. Но я никогда не оставался там ночевать. Анна-Мария без меня не засыпала. Моя маленькая крошечка всегда ждала папу.

Мадлен мне понравилась, но не более. Искренняя, трудолюбивая девушка, так я думал и хотел ей помочь. Всего лишь.

Разрушать семью? У меня и в мыслях этого не было. Моя семья, мои дети – главное для меня ничего не существовало. Мы строили новый дом, я думал о будущем своей семьи. Мадлен я хотел только помочь.

В этот день Мадлен потеряла собачку.

Шёл снег. Мадлен так продрогла. Она дрожала от холода.

И никак не могла согреться.

Я сожалел о случившемся, но...

Что началось!

Папарацци. Они как будто днем и ночью следили за мной.

О том, что это игра, я узнал слишком поздно. Мадлен сама призналась.

Вспоминать страшно.

Меня смешали с такой грязью.

Меня не щадили ни журналисты, ни болельщики. От меня отвернулись многие мои знакомые.

Газеты, журналы, телевидение! Всё! Всё, что могло говорить и показывать, все участвовали в моей жизни.

Я хотел уехать. Бросить все! Ничего не видеть и ничего не слышать!

Крис. Только Крис был рядом. Он всё понимал.

Барбара забрала детей и уехала к своим родителям.

Мадлен перестала понимать даже самые элементарные вещи. Она постоянно чего-то требовала, хотела, желала, жаждала...

Ей хотелось путешествовать, покупать всё, что нравится и не нравится, и обязательно самых известных фирм. Платья, кофты, кольца, туфли, сумки.

О, Боже! Я и не знал, что одному человеку столько нужно.

С Мадлен моя жизнь превратилась в какой-то бесконечный марафон. Мы все время куда-то ехали, летели, плыли!

«Заботливой и понимающей» Мадлен нужен был не я. Роскошные наряды, развлечения, удовольствия. И об этом непременно должны были знать все!

Я стал хуже играть.

Я больше не мог так жить.

У меня разрушилась семья.

Когда уезжала Барбара, Анна-Мария так плакала. Совсем крошка, а всё чувствовала. Я тоже плакал.

А теперь рушилась и моя карьера.

С отборочной игры я вернулся на день раньше.

Ах, Мадлен! Маленькая лгунья. Она была не одна. Она бесстыдно назвала меня импотентом и, бросив ключи от квартиры, уехала со своей новой жертвой.

Я расстался с Мадлен.

Этот год с Мадлен меня закалил. Я стал более бдительным и не таким доверчивым. И, несмотря на это, я чувствовал себя раздавленным.

Я дал себе слово: «К чемпионату мира я должен быть в форме. Я должен играть так, как никогда не играл».

Работа. Тренировки, и ничего больше! «Я должен...»

Мы выиграли чемпионат!

В финале я не пропустил ни одного гола.

Возвращение домой! Это был триумф! Нас встречала вся страна!

Я – герой!

Меня снова полюбили.

Я понял: совсем не важно, какой ты, важно выполнять чьи-то желания. В одночасье ты можешь стать образцом, но стоит тебе ошибиться, и в такое же одночасье ты становишься позором!

Ты должен быть таким, каким тебя придумали!

Ты должен!

И всем наплевать, кто ты на самом деле!

Прошлое – это не книга. Перевернув страницу, новую жизнь не начнешь. Всегда стараешься сделать всё правильно, а получается наоборот.

Почему так?»?

Лео посмотрел на часы: «Поздно. Пора спать».

Он протянул руку и хотел погасить свет, но почему-то опять взял книгу. Открыв книгу, на случайной странице, Лео прочел:

«После его триумфальной победы и приглашения в сборную страны, его будущая жена купила себе платье такого же золотистого цвета, как его победная футболка. И на все матчи, на которых ей удавалось присутствовать, она надевала именно это платье. Её присутствие вдохновляло Лео».

«Странно! А это ты откуда знаешь?».

Лео открыл титульный лист книги и посмотрел на портрет:

– Какие у тебя красивые глаза. И губы.

Выключив свет, он не заметил, как уснул.

Глава 7

Студия, в которой снимали передачу, посвященную Лео Ланге, впечатляла размерами и обилием фанатов.

Маша взглядом обвела зал. Ей стало немного не по себе.

«А вдруг им не понравятся мои ответы? – Она еще раз посмотрела в зал, – они меня „четвертуют“ или, скорее всего, запинают, как мячик».

Прежде чем сесть, Маша внимательно оглядела кресло.

– Что-то не так? – спросил ведущий.

– Столько проводов. Кресло, случаем, не электрическое.

Ведущий улыбнулся:

– Нет, мы мирные люди.

Прозвучали команды: «Свет»! «Микрофон»!

И подготовленные вопросы «фанатов» посыпались, как из рога изобилия...

– Для тебя футбол – это..?

– Любимая игра мужа.

– Тогда как объяснить появление книги с таким тёплым посвящением герою?

«Ну, всё, – подумала Маша, – началось. Запинают! Пусть только попробуют! Нравится кому или нет, но я все равно буду честной».

– В рукописи никакого посвящения нет. Это не биографический роман. Я повторяю, я воспользовалась лишь некоторыми фактами из биографии Лео Ланге. Я этого не скрывала. И, вообще, я не собиралась издавать книгу. У меня была совсем другая цель. Посвящение, это, скорее всего, промоакция издателя.

– Вы будете подавать в суд?

– Нет. Я мирный человек. Надеюсь, мы урегулируем этот вопрос.

– Но теперь вы известный человек.

– В вашей стране у меня чуть больше десятка знакомых людей. Они и без этой книги прекрасно знают мои достоинства. Книгу покупали не потому, что её написала именно я, а потому, что она посвящена Лео Ланге. У меня нет иллюзий на этот счёт.

– Что послужило основной причиной написания книги?

– Желание лучше узнать.

– Футбол или Лео Ланге?

– Себя.

– Какое чувство ты испытываешь к прототипу своего героя?

– Искреннее уважение.

– Что явилось мотивом для написания книги?

– Взгляд.

– Чей?

– Лео Ланге, конечно. Я увидела взгляд думающего человека, а не «оловянного солдата». Я полагаю, вы согласитесь со мной, не все спортсмены между тренировками читают книги по юриспруденции и изучают экономику.

Увидев его задумчивый взгляд, как бы странно это ни звучало, я почувствовала этого человека. Его состояние, его эмоции, всё говорило о том, что он играет умом, и как говорит мой супруг, на уровне сердца.

– Тогда как ты объяснишь его не совсем литературную лексику и физическую расправу над своими же игроками.

– Наличием «оловянных солдатиков». Когда человек делает свое дело на сто процентов, это работа. Очень хорошая работа. Но когда он вкладывает в дело душу, это творчество. Работа

Лео Ланге своего рода шедевр, вершина спортивного творчества. Его игру интересно наблюдать и дилетанту, и самому искушенному болельщику. Все его чувства в игре имеют естественное происхождение. Он не играет. Он живёт в игре. Именно это и вызывает интерес.

– А талант?

– Что значит талант? Талант – это всего лишь предрасположенность индивидуума к определенному виду деятельности. А мастерство достигается трудом. Наличие таланта как раз не облегчает работу. Наоборот. Талантливый человек работает еще больше, потому как он яснее других понимает связь таланта и работы. И ко всему, он знает, каким должен быть результат. В стремлении к идеалу, талант – это всего лишь отправная точка, а всё остальное – бесконечная тяжелая изнурительная работа. Как только человек перестает работать и поживает на лаврах своего таланта, это начало краха.

– По-твоему счастье – это...

– Счастье? Счастье – это путь к цели. А может, просто чья-то улыбка, – Маша лукаво улыбнулась и добавила, – или взгляд.

Ведущий понял Машину насмешку, но продолжил задавать вопросы из списка,

– Цель достигнута. Что дальше?

– Обретение желаемого – это мгновение счастья. Краткая передышка, наслаждение и в путь. К новой цели. В учебнике физики за шестой класс, написано: «Движение – это жизнь»! Это закон!

– Что тебя удивляет?

– В футболе?

– Хорошо, в футболе.

– Только одно: как можно так увлечённо играть и ещё помнить какие-то правила!

– А в жизни?

– Многое.

– А конкретнее?

– Летящий самолет, например.

– А что удивительного в летящем самолете?

– Как что? Он ведь железный! А сколько там людей, чемоданов! Столько всего, а он летит!

Ведущий задумался и через секунду рассмеялся.

– Надо же! А я никогда не думал об этом!

– Если бы тебе представилась возможность поговорить с Богом, чтобы ты ему сказала?

– Пусть исправит свою ошибку.

– Даже так?

– Да. У меня с ним будет серьезный мужской разговор.

– О чем?

– О работе над ошибками.

– Вернёмся к Лео Ланге. Ты оправдываешь своего героя в самом непорядочном поступке – измене. Разве, как женщина, ты не солидарна с его женой?

– Я полагаю, мужчина вовсе не так примитивен, как многим кажется. Особенно тем, кто хотел бы оправдать свои ошибки. Кроме животных инстинктов, мужчина так же, как и женщина наделен разумом. Поверьте, я изучала анатомию, различия в размерах головного мозга незначительны, – Маша улыбнулась, – а некоторые индивидуумы мужского пола обладают еще и аналитическим мышлением. Под такими поступками, я думаю, всё же есть основа, если конечно, человек не подлец. А мой герой не такой. Надеюсь, и прототип тоже. И потом, его поступок я не оправдываю. Я понимаю, почему он это сделал. А это разные вещи.

– Какие человеческие качества вам не нравятся?

– Плохие – не нравятся. Хорошие – нравятся.

– А какие, по-вашему, плохие?

– Такие же как и по-вашему. Ложь, например. Она, как правило, всегда открывается и человек очень жалко выглядит. Зависть, непорядочность.

– Каким мужским качествам вы отдаете предпочтение?

– Ум, сила, уверенность.

– А какой должна быть женщина?

– Интересной, умной, духовно сильной или хотя бы неглупой.

– А красивой?

– Красота – понятие очень индивидуальное.

– Твоё отношение к славе?

– Меня не греют её лучи. Я знаю, что главное в жизни.

– Что?

– Здоровые дети.

– У тебя здоровые дети?

– К счастью, мой сын здоров.

– Для счастья нужны деньги?

– Нет. Количество денег определяет благосостояние человека, но никак не счастье. Всё что покупается за деньги, это товар. А счастье и любовь – это дар свыше. Его надо чувствовать. Деньги нужны для достойной жизни и хорошего образования детей.

– Что значит «достойно жить»?

– Достойным образом зарабатывать на жизнь.

– Имея в виду достойный образ жизни, что бы ты хотела сказать юному поколению?

Маша удивлено посмотрела на ведущего.

– Вы поверите мне на слово, что съеденное мной пирожное вкусное? Разве вы не захотите убедиться в этом сами?

– Ты полагаешь, не стоит делиться накопленным опытом?

– Бесценен собственный опыт. Давать советы, практически, бессмысленное занятие. Каждый индивидуум, наделённый разумом, склонен считать себя самым умным. А когда он понимает, что советом нужно было воспользоваться, к этому времени он приобретает собственный опыт.

– И какой выход?

– Я полагаю, те, кто обладает аналитическим складом ума, научатся сами. На чужих ошибках.

– А те, кто не обладает?

Маша молча развела руками.

– Им тоже придется учиться, но только на своих ошибках.

Ведущий благосклонно улыбнулся:

– Будем надеяться, научатся все.

– С одной лишь разницей.

– Какой? – Ведущий заинтересованно перевел взгляд на Машу.

– Первые будут наслаждаться прелестями жизни, а вторые всю жизнь будут «биться головой о стенку» и ковыряться в собственных проблемах.

Ведущий на мгновение замолчал и с нескрываемым уважением посмотрел на Машу, переведя задумчивый взгляд на аудиторию, с нетерпением ждущую своего героя, он невесело заключил:

– Одни катаются, а вторые пытаются «изобрести» давно изобретенное колесо.

А ещё через мгновение, он «вернулся» в предписанный ему образ и, обращаясь к Маше, бойко сказал:

– А теперь, у нас для тебя есть сюрприз! Ты догадываешься, кто сейчас войдет в студию?

– Догадываюсь! Издатель с «кучей» извинений и мой знакомый – Эдд Зангер с огромным желанием жить.

У ведущего слегка округлились глаза.

– Лео Ланге!

Студия «взорвалась». От крика фанатов у Маши заложило уши.

«Могли бы и в начале передачи его пригласить! Как всё продумано. У меня нет сил держать оборону, а тут свежие силы и атакующий футбол, в котором я ничего не смыслю. Ну, этот точно меня „четвертует“! А я „убью“ Эдда!»

Маша подняла глаза. Рядом с её креслом стоял высокий мужчина в черных джинсах и в черной трикотажной рубашке.

«Ну, вот! И одет соответствующе ритуалу, – усмехнулась она, – но „мы“ без боя не сдадимся. Подумаешь! Герой! Я тебя „породила“, я тебя и „убью“!».

Маша хотела встать, но Лео Ланге склонился в поклоне и поцеловал ей руку. Подаренный Маше букет изумительно красивых бордовых роз несколько смягчил её «боевое» настроение.

Щелкнули выключатели камер. Погас свет.

Маша облегченно вздохнула:

– Ура! Наконец-то всё закончилось! Вы спрашиваете, что такое счастье? Я осталась жива! Вот оно счастье! Движение, цель, мечта – это ерунда по сравнению с этим «аутодафе»! Ты живешь, это и есть счастье!

Ведущий и Лео Ланге, переглянувшись, улыбнулись.

Ведущий в качестве ответного и более приятного времяпрепровождения предложил Маше поездку на пикник, по случаю начала отпускного сезона.

– Будет хорошая компания. Скучно не будет. У меня подруга русская.

– Какое совпадение! У меня тоже подруга русская, – съехидничала Маша и, поблагодарив за приглашение, отказалась.

Лео помог Маше встать с кресла.

– Мне, я надеюсь, будет позволено поговорить с вами без камеры? – учтиво спросил он.

– Поощадите! У меня нет сил.

Маша посмотрела в сторону ведущего.

– Хорошо, «дрова» вовремя кончились, – пошутила она, – я думала, меня «сожгут» и пепел над футбольным полем развеют, чтобы неповадно было книжки писать. А если серьезно, – Маша вытерла лоб бумажным платком, на котором остались следы грима и пота, – сейчас у меня все мысли в ванной.

Лео с пониманием покачал головой.

– Нет-нет, – вежливо сказал он, – не сейчас, я всё понимаю. Я хочу пригласить вас на ужин. А сейчас мне бы хотелось знать ваши предпочтения, по поводу места и кухни.

– Благодарю вас, но это вовсе не обязательно?

– Вы моя гостя.

– А в гости приезжают ужинать?

– Я, конечно, могу показать вам достопримечательности нашего города. И даже страны. Но рано или поздно мы всё равно проголодаемся. В любом случае, ужин неизбежен. Мне очень хочется поговорить с вами. Ужин – это всего лишь повод для приятной беседы, и я думаю, – Лео улыбнулся, – он тоже должен быть приятным. Очень хочется получить ответ на один вопрос.

Лео выжидающе смотрел на Машу:

– Мне мама говорила: во время еды люди добреют.

– А вас тут, похоже, через раз кормят, – не преминула заметить Маша.

Лео совсем не ожидал такого ответа, поскольку надеялся на доброту Маши еще до ужина, а потому не сразу сообразил, что она имела в виду.

- Я стараюсь режим соблюдать, – с некоторой заминкой ответил Лео.
Задержку с ответом Маша объяснила разницей в росте и скоростью звукового сигнала.
- И всё же, какие будут предпочтения?
– А разница в росте не помешает?
– Чему? – удивился Лео.
– Разговору.
– Нет. Я слышу хорошо.
«Зато соображаешь хуже», – подумала Маша и насмешливо улыбнулась.
Сейчас Лео был настороже и сообразил быстрее.
– Я наклонюсь.
– Ну, хорошо. Место самое тихое...
– Я полагаю это для лучшей слышимости, – продемонстрировал свою мгновенную сообразительность Лео.
Маша усмехнулась:
– На лету ловишь.
– Профессия обязывает, – Лео предусмотрительно склонил голову и улыбнулся, – простите, я вас перебил, вернемся к месту.
– Место самое тихое, но цивилизованное. Костер в лесу – это не мое направление. Кухня – национальная, – Маша иронично усмехнулась, – исключите сосиски, пиво, ну, и насколько позволит разнообразие, остальное, на ваш вкус.
Лео понял намек и беззвучно захохотал.
– Я полагаю, для адекватно мыслящих индивидуумов задача выполнимая? – сказала Маша и попыталась глазами найти человека, который привез её в студию.
Лео второй раз подал Маше розы.
– Ты цветы забыла, – по-дружески заботливо сказал он.
Переход на «ты» получился очень естественным. Ни Лео, ни Маша, этого не заметили.
– Спасибо. Цветы очень красивые.
– А сейчас, если ты позволишь, я сам отвезу тебя в гостиницу.
– Я буду безмерно благодарна за эту неоценимую услугу. Похоже публичные профессии не для меня. Устала так, будто целый день на приеме просидела.
– Где?
– На приеме больных. Я врач, – уточнила Маша.
Лео в мгновение разразился громогласным хохотом и долго не мог остановиться.
– Это самое лучшее определение журналистов из всех, которые мне приходилось слышать.

Глава 8

После ванны Маша уснула, как убитая.

Ровно в пять её разбудил будильник.

Сладко потянувшись, она пододвинулась на середину кровати. От ощущения прохладной гладкости накрахмаленного белья, глаза закрылись сами собой:

– Как не хочется вставать.

Вспомнив про ужин, она укрылась с головой.

– Зачем мне этот ужин?

Маша посмотрела на телефон и облегчено вздохнула.

«До встречи еще целый час, и минут двадцать можно спокойно полежать в кровати и поболтать с Никой».

Набрать номер телефона подруги не удалось, постучали в дверь. Маша недовольно крикнула: «Moment», надела халат и, не глянув в зеркало, пошла открывать дверь.

– Здравсте! – удивленно сказала она, увидев на пороге Лео. – Сейчас только пять, а мы договаривались встретиться в шесть.

– Нет, шесть, – Лео протянул руку. На его часах действительно было шесть.

– О-о-о! Я забыла в телефоне перевести часы. У нас один час разница. Прости.

– Прощаю, – Лео улыбнулся и прошел в комнату без приглашения, – я подожду.

– А ты мог бы подождать меня в лобби? – немного растерянно спросила Маша, – Кофе успеешь попить, пока я соберусь.

– А ты долго собираешься? – он обвел рукой лицо, намекая на косметические процедуры. – Я кофе быстро пью.

– Я «малярными работами» не увлекаюсь, – сказала Маша, поняв его нежелание пить кофе.

Спускаться в лобби Лео не хотел по вполне понятной причине – своей узнаваемости. Он решил скоротать время на балконе, с которого открывался дивный вид на тихие аллеи внутреннего дворика гостиницы.

Маша приняла душ, подсушила волосы феном, придав им привычный вид. Отрёкшись от «малярных работ» она все же воспользовалась тональным кремом.

«Дополнительная свежесть недавно пробудившемуся „лицу“ не помешает». Протерев лицо ватным кружочком и оглядев себя в зеркале, она осталась довольна обретенной бодростью.

Приятно облегающий её стройную фигуру трикотажный топ цвета горького шоколада и такого же цвета брюки прекрасно сочетались с лёгким, неклассического покроя белым пиджаком, украшенным вышивкой ришелье. Нитка белых коралловых бус как нельзя лучше дополняла её вполне демократичный наряд.

В машине, для поддержания разговора, Лео задал Маше простой и, как ему казалось, безобидный вопрос. Он спросил: «Из чего сделаны бусы?»

– Так, куда мы едем? – очень серьезно прозвучал ответный вопрос Маши.

– Можно, это останется сюрпризом?

– Не многовато ли сюрпризов? На сегодня, я думаю, достаточно.

Маша повернулась к Лео лицом:

– Меня интересует, кто будет присутствовать на ужине? Если там предполагается демонстрация «ёлочных украшений», то ты сейчас же разворачиваешь машину и везешь меня обратно в гостиницу. В лобби мы пьем кофе, я отвечаю на твой единственный важный вопрос и, при всём моем уважении к твоей маме, процесс «добрения» на этом заканчивается.

– Теперь, если можно, всё по порядку, – желая разобраться, попросил Лео, – о каких сюрпризах идет речь и при чём тут ёлочные украшения?

– Сюрприз – это ты. Я думала, все эти приглашения, билет, интервью, это плоды труда моего знакомого, а оказалось – твои.

– А новогодние украшения? – недоуменно спросил Лео.

– «Ёлочные», – поправила Маша. – В общем, так: если на ужине в вашем миллионерском сообществе предполагается присутствие твоих друзей и их жён или подруг, увешанных бриллиантовыми гирляндами, то я говорю сразу, подобные «карнавалы» я не люблю.

– Тебя смущают твои бусы?

– Нет. Наличие изделий «Де Бирс» бесспорно является показателем хорошего материального положения, но их флюоресценция не всегда пропорциональна блеску ума обладательницы.

– Тебе нечего бояться.

Маша удивленно посмотрела на Лео.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.